

ЗАКОН И

ЧЕСТЬ – 5

СЕВЕРСКИЙ АНДРЕЙ

18+

Андрей Северский
Закон и Честь! –
5. Реванш Закона
Серия «Закон и Честь!», книга 5

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71850082
SelfPub; 2025*

Аннотация

Заключительный том серии, где раскроется главная тайна, и случится много непредвиденного...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	45
Глава 5	59
Глава 6	74
Глава 7	94
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Андрей Северский

Закон и Честь! –

5. Реванш Закона

Глава 1

Благополучно ускользнув от глаз переодетых агентов, миновав кольцо оцепления, беглецы вскоре поймали кэб. Джек продолжал изображать девчонку, а Крейг заботливого папашу. Кэб без особых проблем довёз их до восточной окраины города, выходящей на обширные, теряющиеся на горизонте леса, и высящиеся над волной тёмно-серых деревьев увенчанные заснеженными шапками едва различимые далёкие горы. Восточная часть столицы была на удивление растянутой и разбросанной, густо засаженной фермерскими угодьями, полями, пастбищами и производила впечатление заурядной провинции. Здесь время словно остановилось в прошлом веке. Никаких новомодных штучек типа заправок водных колонок для паромашин или электрических столбов на несколько миль вокруг. Чтобы дойти от одного дома к другому требовалось преодолеть по неважным разбитым дорогам не одну сотню ярдов.

Здесь, в самой настоящей глухомани, старинный трёх-

этажный особняк-крепость, отданный под городскую психиатрическую больницу, смотрелся довольно самобытно, словно чужеродный нарост на теле. Лечебница располагалась на небольшой возвышенности, окружённой редким, окультуренным парком и высокой, утыканной пиками, оградой из железных прутьев. Путь на территорию больницы шёл через большие кованые ворота. Очертания крытой замшелой черепицей многоуровневой крыши, башенок и шпилей были видны ещё издали. Нет нужды говорить, что психушку все местные жители обходили десятой дорогой.

Возница высадил Крейга с Джеком прямо у ворот. Получил плату и, следуя наставлениям Крейга, отогнал упряжку на противоположную сторону дороги. Там же становился и стал ждать, пока Крейг вернётся. Хотя по его глазам учёный понял, что он, не желая и лишней секунды задерживаться возле столь сомнительного заведения, погнал бы лошадей прочь, без устали пощёлкивая бичом. Крейг видел, как удивлённо расширились его глаза при виде выскочившего из кабины Джека, успевшего скинуть девчачье платье. Но Гордон не скупился, и кучер получил достаточно, чтобы не только ждать, но и не задавать лишних вопросов. Крейг и Спунер остались стоять под накрапывающим дождём на развезённой дороге. Ближайшие городские дома, в основном частные старинные особнячки и фермерские подворья, остались в полумиле позади. Мерсифэйт, собственно, уже находилась за пределами городской черты. Она словно зловещий часовой

возвышалась над окрестностями, будто незримо наблюдая за всем происходящим вокруг неё...

Крейг сразу обратил внимание, что ведущая к больничным угольям дорога была изрядно накатанной. Как предполагал учёный, помимо центральных ворот, в окольцевавшей Мерсифэйт ограде должны быть ещё одни. И соответственно ещё одна дорога, скрытая от посторонних глаз.

Оставшись вдвоём, Крейг и Спунер немедля пошагали к воротам. Прямо за ними располагалась будка привратника. А за железной оградой рвали цепи здоровенные чёрные мастиффы, в шипастых ошейках и с жадной крови в маленьких злобных глазках. Под лоснящейся шкурой перекатывались литые мускулы, мощные челюсти скалились страшными на вид клыками. Псы, натягивая цепи, вставали на дыбы и безумно лаяли на подошедших к воротам людей.

Из строжки немедля выбрался привратник. Дородный детина с плечами портового грузчика и физиономией потомственного каторжника был выряжен в утеплённый сюртук и широкополую шляпу с высокой тульей. На поясе верзила висела связка ключей.

– День добрый, – неожиданно вежливо поздоровался привратник, бросая цепкий, придирчивый взгляд на посетителей. Он поднял руку, и мастиффы как по волшебству умолкли. Огромные псы, ворча, уселись на землю и принялись с самым независимым видом вычёсывать блох. Они даже не смотрели на стоявших по ту сторону ограды потенциальных

жертв. Но Крейг им не очень то верил. Уж больно невинный видок был у присмиревших собак.

– О, добрый день, – тут же расплылся в широчайшей улыбке Гордон. Его пальцы крепко сжимали правую ладонь Спунера. – Мы бы хотели увидеть кого-нибудь из персонала больницы.

– Вам назначено, сэр? – привратник с любопытством уставился на Джека. – Вижу, что вас сюда привело отнюдь не праздное любопытство.

– Да, беда-беда, вы правы, – притворно вздохнул Гордон. – К сожалению, я не записывался на приём и о нашем визите никому не ведомо. Но думаю, что при сложившихся обстоятельствах мне уделят всё же лишнюю минутку.

Привратник с самым важным и серьёзным видом кивнул:

– Верно. Доктор Аткинс никому не отказывает в помощи. Сочувствую вам, сэр. Ваш сын?

– Племянник. Его родители недавно умерли. И я взвалил на свои плечи всю нелёгкую ношу и ответственность за его воспитание. Он мне и вправду очень дорог.

– Я ни капли в этом не сомневался, – сочувственно сказал привратник, понимающе ухмыльнувшись. – Прошу вас, сэр, проходите.

Он зазвенел ключами и приоткрыл врезанную в одну из створок ворот калитку. От взгляда Крейга не скользнуло, что навесы калитки и сам замок были очень прочными и надёжными. Да и вообще окружающая территорию Мерсифэйт де-

святифутовая ограда из заостренных железных прутьев производила неизгладимое впечатление.

За воротами сразу начиналась щедро посыпанная гравием широкая дорожка, ведущая вглубь двора, прямо к колоссальному зданию лечебницы, возвышающемуся над обильно растущими внутри ухоженными деревьями. Земля вокруг них была усыпана опавшими перепревшими листьями. Мастиффы не обратили на вошедших ни малейшего внимания, всё так же увлечённо занимаясь своими собачьими делами. Однако Крейг, не выпуская руки Спунера, невольно приостановился. Правильно истолковав его замешательство, привратник сказал:

– Не волнуйтесь, сэр, собаки надёжно привязаны. И выдрессированы похлеще, чем в цирке. Мы отпускаем их на ночь. А днём они сидят на цепи. Идите прямо по дорожке и выйдете к парадному входу. Там всегда найдется, кому встретить.

– Благодарю, мистер, – Гордон приложил два пальца к полям котелка. – Вы были очень любезны. Пойдём, Джек. Я познакомлю тебя с очень хорошими людьми. Они непременно помогут тебе.

Спунер радостно гукнул и пустил слюни. Скосив глаза к переносице, он из всех сил лыбился, как самый настоящий дебил. Он старательно переставлял ноги и всюю размахивал свободной рукой. Правой же он держался за ладонь быстро идущего по дорожке Крейга. Джек полностью вжился в

роль сумасшедшего ребёнка. Он непрестанно что-то бормотал под нос, без устали шевелил губами, надувал пузыри. Его глаза, казалось, жили самостоятельной жизнью, то вращаясь как беличьи колёса, то закатываясь уходящими за горизонт солнцами.

Они шли по дорожке, мимо сбросивших листву голых деревьев, скрипя подошвами по мелкому гравию. Дорожка постепенно поднималась всё выше и выше, убегая вверх по склону и покоряя словно срубленный гигантской бритвой пологий холм, на котором и было возведено более двухсот лет назад монументальное строение. Угрюмое, напоминающее замок в миниатюре здание поликлиники надвигалось на них, увеличиваясь в размерах с каждым шагом. Мерсифэйт состояла из трёх этажей и была выстроена в виде буквы П. Парадный вход располагался как раз во впадине, между выдвигающимися вперёд крыльями здания. Двери прятались за поддерживающими козырёк колоннами, по обе стороны колон растянулись могучие контрфорсы. В простудившееся, болезненно серое небо устремлялись острые шпили башенок, усеянные многочисленными молниеотводами. Стрельчатые окна были забраны решётками, стены сложены из массивных булыжников, черепичную крышу покрывал мох. Больница одним своим видом вгоняла в ступор, до того зловеще она выглядела, словно старинный дом, населённый злобными призраками из какого-нибудь модного бульварного романчика.

Остановившись перед уводящими вверх, к окованным стальными проклёпанными полосами дверям, ступенями, гости поликлиники несколько неуверенно оглянулись. Правда, Джек не переставал что-то бубнить под нос и похрюкивать, подозревая, что за ними уже давно могли следить. Крейгом же внезапно овладела удушающая паника. Ему резко и категорически разонравился так называемый «план». Какой ещё к чертям план?! Да бежать отсюда надо, бежать без оглядки... Запереть в этих страшных стенах ребёнка? Крейг никогда не был особым любителем детей и знал Джека всего ничего, но ещё крепче сжал его ладошку. Он посмотрел через плечо. Растопырив корявые ветви, деревья настороженно следили за ними. Дождик усиливался, ветер пытался расшевелить намокшую палую листву. И тишина. Абсолютная тишина. Напряжённая, гнетущая, убийственным многотонным грузом давящая на уши. Учёный перевёл взгляд на выросшего перед ними мрачного каменного коло-са.

– Спокойно, спокойно, мой мальчик. Всё будет хорошо, – Крейг посмотрел на агукающего Джека и ободряюще улыбнулся. Если их подслушивали с помощью невидимых хитрых приспособлений или же следили, то невидимые наблюдатели ничего не заподозрят. Просто высокий важный мужчина подбадривает своего явно безумного отпрыска. Но Крейг уловил мелькнувшую в глазах Джека горячую благодарность и ощутил усиленное пожатие детских пальцев. Мальчишка

всё понял. Он боялся, сильно боялся и слова Крейга истолковал как единственно верные.

Они поднялись по широким растрескавшимся ступеням, и подошли к высоким и широченным двухстворчатым дверям. Крейг прикинул, что без тарана их точно не вышибить. Крепость. Натуральная крепость. Учёный не знал, кто построил эту домину и для каких целей, но сейчас она выглядела неприступным средневековым замком, способным выдержать любую осаду.

Крейг взялся за дверное кольцо из потускневшего отполированного железа и со всей силы застучал по металлической пластине. Гулкие лязгающие звуки пронзили сгущающуюся вокруг них гробовую, разбавленную лишь шорохом дождя да посвистом ветра тишину. Гордон дал бы голову на отсечение, что их приближение давно заметили и долго ждать у дверей им не придётся. Как выяснилось, он и тут оказался прав.

...– в общем, я лишний раз убедился, что деньги, ложь и доверчивость способны творить чудеса, – горько сказал Гордон Крейг, едва пригубив горячего чаю. – Нас встретила медсестра, провела в приёмный покой, где нас принял один из врачей лечебницы. Забегая вперёд, скажу, что Аткинса мы так и не увидели. Важная птица, директор, он не будет терять время на очередного заурядного пациента... А Джек блеснул во всей красе. Он даже, ты не поверишь, обмочился, чтобы заставить психиатра поверить в свою неменяемость! Я

же хитрыми намёками дал понять, что хочу избавиться от «чокнутого родственничка» и был бы очень признателен, если бы он подольше оставался в таком замечательном заведении, как Мерсифэйт. Пришлось изрядно раскошелиться...

После ужина мужчины сидели в гостиной напротив зажённого камина и пили традиционный вечерний чай. Крейг заканчивал рассказ. Миссис Монро хлопотала неподалёку, прислушиваясь к их разговору и вставляя броские реплики.

– Мне очень не понравилось то, что я увидел. Я не стал заходить в отделения для пациентов, чтобы не вызвать ненужных подозрений. Я должен был играть роль хитрого и злого дядюшки, который жаждет скинуть камень с шеи. Но сама атмосфера больницы, этот запах лекарств и стерильности, практически осязаемое ощущение витающего в воздухе безумия, невидимое давление на разум, всё это очень нервировало меня. Когда я вернулся в кэб, у меня дрожали руки.

– Многие больницы похожи на ваше описание, – сказал Джентри. Разомлевший от съеденного ужина и тепла пылающего камина, Джентри блаженно вытянул ноги, сидя в глубоком мягком кресле. И ему уже не хотелось хватать учёного за воротник.

– Но не во всех с необычайной лёгкостью соглашаются за деньги повернуть грязные незаконные аферы. Именно с лёгкостью. Ей богу, как же мне там не понравилось. Джек остался в очень дурном месте. Меня до сих пор не покида-

ет уверенность, что я видел лишь доступную всем изнанку Мерсифэйт, её светлую сторону... И она испугала меня, подавила. Что же тогда представляет собой её тёмная сторона?!

– Вы словно только что вышли из запертого дома, где просидели всю жизнь. Покинули Радужную страну, где каждый день светит солнце и звучит радостный смех, – сказал, поморщившись, Джейсон.

Джувьетт преувеличенно громко грюкнула кочергой о каминную решётку, вороша полыхающие поленья. Видимо престарелая вдова была не согласна с утверждениями своего ненаглядного жильца. Она вполголоса проворчала:

– Бедный мистер Крейг, пережить такой стресс...

Учёный послал домоправительнице благодарную улыбку и воскликнул:

– Право слово, как же мне будет вас не хватать, миссис Монро! Ей Богу, была бы моя воля – взял бы вас с собой!

– Полноте, полноте, – смущённо покраснела старушка. – Лестное предложение, благодарю. Но вам бы следовало взять с собой кого-нибудь помоложе и попривлекательней, чем старая дребезжащая развалина.

Джувьетт кокетливо поправила выбившуюся из-под чепца седую прядку. Крейг чуть было не подавился чаем, а Джен-три сказал:

– Никто никуда с вами не поедет, Крейг. Вы сами вляпались в это де... Хм. В эту лужу. Сели в неё. Потому что решили, что умеете лучше всех ловить преступников. Пошли

наповоду горячего мальчишки. Чёрт! Я не меньше вашего волнуюсь за этого маленького засранца... Но думаю, что не так страшен чёрт, как вы нарисовали. Ночь он точно продержится. А с утра я уже буду у дверей Мерсифэйт. Вустер написал мне пару отгулов. Думаю, этого времени хватит, чтобы разобраться в этой, не скрою, подозрительной ситуации. Печёнкой чую, что Джек влез куда не следует. Разберёмся! А сейчас я хочу одного – завалиться спать. И чтобы меня никто не тревожил. У меня выдался на редкость трудный и, мм, собачий день.

– Вы обещали рассказать, – тихо напомнил Крейг, смотря в опустевшую чашку. Джентри поджал губы.

– Обещал, – лицо старшего инспектора словно окаменело, пляшущие в гостиной тени рисовали на нём причудливые узоры. – Сегодня много чего произошло...

В прихожей раздался пронзительный трезвон телефонного аппарата. Все находившееся в гостиной люди непроизвольно вздрогнули. Правда, каждый по своим причинам. Джентри поднял голову и спокойно сказал:

– Миссис Монро, я сам возьму. Это меня.

Джюльетт проводила отправившегося к телефону молодого человека перепуганным взглядом и перекрестилась. Этим вечером в её дом вернулся совсем другой человек. Что-то неуловимо изменилось в Джейсоне. Как будто какой-то кусочек его сущности остался за захлопнувшимися дверьми, на промозглой улице. Крейг озабоченно задумался. Джентри

не хочет говорить. Или же не хочет говорить в присутствии пожилой женщины?

В гостиную старший инспектор вернулся в пальто и шляпе.

– Меня срочно вызывают на работу. Крейг, собирайтесь, поедете со мной. Звонил Вустер. За мной пришлют паромобиль. Я всё расскажу вам по дороге. Миссис Монро, прошу нас простить.

Учёный медленно поднялся на ноги. Он, не отрываясь, смотрел на заострившееся лицо Джентри. По подбородку старшего инспектора потекла тоненькая струйка крови, выглядевшая в тускло освещённой комнате чёрной ниточкой. Джентри прокусил губу и даже не заметил этого. Крейгу стало страшно. Он даже не стал выпытывать, чем заслужил такую привилегию – участвовать в намечающемся полицейском расследовании и что такого важного хочет сообщить ему Джентри, раз даже готов взять с собой. Расскажет. Всё-таки он всё расскажет.

Глава 2

Джек Спунер устал. Оказывается, изображать из себя придурка не так легко и просто, как он думал изначально. Прикидываться тупым кретином и переодеваться в маскирующие наряды – не одно и то же. Особенно когда тебя проверяют на вшивость серьёзные специалисты. Но пока, кажется, он выигрывал. Они выигрывали. Умудрились-таки с Крейгом обвести персонал лечебницы вокруг пальца.

Осматривающий Джека в приёмном покое психиатр – важный и седовласый джентльмен с видом законченного умника в белом халате поставил ему грозный даже на слух диагноз – диссоциативное расстройство, совмещённое с психогенной амнезией. Джек ни черта не понял из этих слов, но звучали они и впрямь стрёмно. Про себя мальчишка поклялся их запомнить, чтоб при случае обязательно козырнуть новоприобретёнными знаниями. Как бы там ни было, а Джека приняли на постой, прописав ему курс медикаментозного лечения, определили в отдельную палату и до отбоя перевели в общий зал, своеобразную игровую комнату для местных обитателей. На следующее утро у него были назначены первые процедуры, а пока что он был предоставлен сам себе и мог потратить свободное время на знакомство с будущими соседями. Впрочем, предоставлен сам себе, было сказано с натяжкой. За пациентами присматривали санитары. Но

Джек быстро понял, что эти бульдожьи морды относятся к своим обязанностям спустя рукава и больше заглядываются на спящих по коридорам огромного здания медсестёр.

Первая фаза операции закончилась успешно. Но сердце Джека непроизвольно ёкнуло, когда изображающий добренького дядюшку учёный потрепал его по голове и сказал весёлым голосом – я буду навещать тебя, Джек! Игра на публику. Но в глазах учёного появилась настоящая тревога. Крейг хотел, чтобы Джек это видел. И он увидел. И это понимание не прибавило ему спокойствия. Но заставило с удвоенной осторожностью относиться к окружающим. Если Гордон чем-то явно обеспокоился, то негоже Джеку это игнорировать.

Дюжий санитар отвел Джека в душевую комнату, где их ждала ещё совсем молодая и вполне себе симпатичная медсестра. При других обстоятельствах Джек обязательно бы улыбнулся ей, но сейчас только тупо пялился коровьими глазами и продолжал бормотать под нос непроизносимую лабуду. Хотя вряд ли бы сестра ответила ему взаимностью. В голубых глазах девушки не мелькнула никакого сочувствия. Она раздела его догола, и пихнула под напор холодной воды. Джек чуть было не заорал в голос, когда на него полился показавшийся ледяным дождь. Всё тело моментально покрылось пупырышками, а зубы принялись выбивать чечётку. Проклятье! И почему ему никто не сказал, что в психушках так поступают с пациентами?

Из-под душа Спунер выполз, трясаясь как припадочный, и всё так же бормоча под нос. Только на этот раз отборные ругательства. Но так, чтобы никто не услышал. Его глаза немилосердно щипало от попавшей хлорки, душу жгло стыдом пополам со злостью. Джек с трудом сдерживался, чтобы не прикрыться ладошками. Но мальчишка понимал, что психам наплевать на приличия. И тут его ждал первый, не очень приятный сюрприз. Или приятный. Смотря как посмотреть. Верзила-санитар куда-то подевался и в облицованный кафельной плиткой и пропахшей дезинфекцией комнате они с медсестрой остались вдвоём. Гладкие плиты пола пронзали его ступни ледяными иглами, с него стекала вода, мокрые волосы торчали во все стороны. Джек держал руки опущенными вдоль тела, дрожал, как заячий хвост и без усталости шевелили губами. Мысленно же он проклинал всё и всех на свете. Включая самого себя и свои благородные позывы.

Медсестра, высокая худощавая молодая женщина лет тридцати, с убранными под шапочку светлыми волосами, одетая в белоснежный халатик, терпеливо ждала его. Она сощурила безучастные голубые глаза. Джеку её взгляд почему-то сразу не понравился. Кошка, смотрящая на мышшь. Розовые губы девушки искривились в странной улыбке. На щеках образовались ямочки. Вся возникшая у Джека симпатия к этой девахе внезапно бесследно испарилась. Какого чёрта она так на него пялится?!

– Смотрю, ты замёрз, малыш, – низким грудным голосом

произнесла она. – Меня зовут Норма. Сестра Норма. Мы будем часто видеться. Но наша первая встреча будет особенной. Ты на всю жизнь запомнишь её. Если, конечно, в твоей бедной глупой голове осталась хоть капелька мозгов. Видишь ли, я должна как следует обыскать тебя.

Хорошо, что Джек и так трясся осиновым листиком, а по коже бегало миллион мурашек. Иначе от её слов он бы точно покрылся ими и тем самым выдал, что понимает всё сказанное. Джеку стало плохо. У него разом ослабели ноги. Он стоял голый, худой и жалкий, посреди стерильной, холодной и пустой комнаты, усердно лупал глазами и заставлял себя лыбиться во всю ширь. Что задумала эта белобрысая сучка? Какой на хрен обыск?! Он же раздет, совершенно раздет! Что она хочет у него найти? И где? И тут Джека озарило. Он чуть не взвизгнул, когда понял, где. А когда Норма, не прекращая улыбаться, вытянула из кармана халатика тонкие резиновые перчатки, у него закружилась голова.

– Ы-ы-ы... – тоскливо замычал Джек. Улыбка едва не раздирала ему рот, превратившись в оскал. От прилива жуткой паники Джек едва не вдарился в бегство. Дьявол, эта стерва хочет залезть к нему в задницу!

– Я заметила, у тебя очень симпатичная попка, малыш, – весело сказала Норма, подходя к нему. – Клянусь, тебя понравится. Наклоняйся.

Джек, окаменев, попытался прикинуться глухим. Норма же истолковала его поведение по-своему. Она лишь вздох-

нула и с неожиданной силой сжала его плечо тонкими пальчиками.

– Да, вижу, ты совсем не понимаешь меня.

Она с силой надавила на его плечо, заставляя согнуться пополам. Когда её обтянутый холодной скользкой резиной палец с размаху залетел к нему в зад, у Джека чуть не вылезли глазам из орбит, а рот распахнулся в безмолвном гневном крике. Его уши превратились в полыхающие факелы. Чёрт возьми, какой позор! Да он сдохнет, но никогда и никому не расскажет о том, что сейчас пережил, даже под самыми страшными пытками!

– Вот и молодец! – Норма стянула перчатки и потрепала с трудом выпрямившегося Джека по щеке. – Умничка. А это тебе в награду.

В следующую секунду её пальцы цепко и жадно впелись ему в мошонку. Только огромным, чудовищным усилием воли Джек заглушил рвущийся наружу вопль. Да что же это происходит?! Неужели эта свихнутая сука хочет ему все причиндалы оторвать?!

– У тебя славный стручок, – промурлыкала Норма, опустив глаза и рассматривая его гениталии. – Только смотрю, он совсем не рад мне. Но ничего, у нас ещё будет уйма времени. Давай я помогу тебе одеться.

Спунер, который в те секунды едва не зарёкся на всю оставшуюся жизнь вообще подходить к особам противоположного пола, жадно схватил сунутый ему свёрток с боль-

ничной одеждой...

На редкость дерьмовый день неумолимо приближался к вечеру. И за это время Спунер помимо осознания всех минусов затеянной каверзы понял ещё несколько интересных вещей. Во-первых, сидеть в большой зале и наблюдать за беспомощными потугами законченных психов удовольствие не из приятных. Во-вторых, с хавчиком в больнице расписание было весьма жёстким. Джек периодически поглаживал на огромные настенные часы, но час шёл за часом, минута за минутой, а сигнала к ужину ещё никто не подавал. Обед он и так пропустил. Неужели помимо купания в ледяной воде и всяческих извращений тут ещё и морят голодом? М-да, и это он ещё относится к пациентам первого класса, у которых есть на воле родственники с тугими кошельками!

В-третьих, его намётанный глаз не раз и не два замечал, что иногда кое-кто из обслуживающего персонала больницы периодически проводил через игровую комнату одетых в больничные робы людей, которые совсем не смахивали на безумцев. Они создавали впечатление вполне приличных горожан, неведомо как угодивших в это весёленько заведенье. Но эти люди долго не отвечивали. Они и проходили через игровую залу только потому, что та располагалась на пресечении коридоров и свободно контролировалась со всех сторон. В дверных проёмах то и дело мелькали огромные туши санитаров. А ещё Джек понял, что помимо закоренелых недоумков, в больнице находились и пациенты вполне вме-

няемые. Забитые, затюканные, с подавленной волей и беспредельной тоской в затравленных глазах, но встретить он их на улицах Раневолы, в жизни бы не подумал, что они имеют постоянную прописку в Мерсифэйт. Жертвы случаев, подобных разыгранных им с Крейгом. Скорее всего.

Разумеется, тех, кому тут было, на взгляд Джека, самое место, тоже хватало с избытком. Они-то и составляли подавляющее большинство. Что Джека не очень радовало, как будто ему мало уязвлённого самолюбия и стыдливого жжения в заднице! В большущей зале, обставленной весьма скромно по меркам среднезажиточного обитателя столицы, но прямо-таки по-баронски с точки зрения Джека, находилось добрых три дюжины человек обоих полов. Насколько скумекал воришка, тут были те, у кого реально существовал шанс на излечение. Которых могли без всяких опасений выпустить погулять. Правда, непрекращающегося надзора никто, конечно, не отменял. Джек не был светилом в области психиатрии, но догадывался, что видит только так называемые цветочки. Настоящих буйных и чокнутых идиотов тут не было. Как не было и никаких признаков Элен Харт или Генриетты Барлоу. Что совсем мальчишку не устраивало. Время неумолимо тикало, а он ничего ещё не добился.

Большие окна, позволяющие свету проникать с улицы, снаружи были забраны прочными решётками. С высокого потолка свешивались старинные кованые люстры. Но от Джека не ускользнуло, что в люстрах горели электрические

лампочки. А к зданию больницы не шла ни одна проводная линия. Получается, что у них собственное обеспечение энергией. Очень удобно, признал Джек. Особенно если нужно поджарить кому-нибудь мозги. В игровой зале не было ни одного острого или колюще-режущего предмета. Неброская, но надёжная мебель, мягкие игрушки, книги, мячики, головоломки. Среди гомонящих и самозабвенно проводящих время больных с завидным постоянством прохаживались медсёстры. Как только Джек ловил на себе пристальный взгляд одной из женщин в белом халате, он немедленно покрывался мурашками. Да нет уж, дудки, больше он не позволит издеваться над собой! Он не из этих, тех, которые не совсем такие...

В ожидании ужина, выслушивая бурчание в пузе и поглядывая на часы, Джек изучал своих временных собратьев по несчастью. При этом не забывал пускать слюни и не прекращал попыток неловко сложить из деревянных кубиков с закруглёнными краями стену. В зале периодически раздавались пронзительные вопли и возникали споры. Сумасшедшие с истинно детскими обидами принимались выяснять отношения и тогда в ссоры спешили вмешаться медсёстры. Ссоры возникали на пустом месте, из-за совершеннейшей ерунды. Кто-то у кого-то взял без спроса любимую игрушку, сломал любовно возводимый в течение трёх часов из конструктора домик, дорисовал на создаваемом шедевре что-то своё, плюнул кому-то на голову, пихнул в спину,

обозвал плохим словом на букву Ж. Да мало ли что! Среди всех этих взрослых, но тронутых головой людей Джек ощутил себя в детском аду. Работный дом отдыхает, вынужден был признать он. И это он ещё сидит в отделении для спокойных пациентов, которых не надо утихомиривать в количестве трёх дюжих санитаров на одного. Хорошо, что я не стал переигрывать, пришла запоздалая мысль. Джек на миг представил себя среди конкретных дебилов и ему стало тошно. Да ну на хрен.

Джек сидел за столом, раз за разом пытаюсь сложить из непослушных кубиков стену. А на душе становилось всё мурней. М-да уж, торча в этом зале, на виду у всех, он вряд ли сможет что сделать. Разве только дождаться ужина и развода по комнатам. С возможными ночными приставаниями от медицинского персонала. Спунер как-то слыхивал, что в подобных учреждениях над сумасшедшими людьми порой учиняют втихаря всяческие безобразия. Особенно если они достаточно молоды и привлекательны. Изначально Джека поразил тот факт, что его, по сути совсем ребёнка, четырнадцатилетнего мальчишку, без обиняков записали в пациенты и поместили в общий зал. Теперь же он видел, что не одинок. В игровой комнате находилось наравне со взрослыми ещё несколько детей примерно его возраста или постарше.

Один из подростков, долговязый веснушчатый паренёк с коротко остриженными волосами сидел неподалёку от Дже-

ка. Он склонился над листом бумаги, с силой зажав в пальцах карандаш. Джек чуть приподнял голову, пытаясь рассмотреть, что он там рисует. Паренёк со скрипом водил карандашом по столу, продавливая бумагу и только чудом не ломая графитовый стержень. А ведь при случае и карандашом можно убить, пришла в голову Джека мыслишка. Значит, ещё раз убедился он, я нахожусь в компании привилегированного класса, местной элиты. Не совсем чокнутых людей. Но я так же могу тут сидеть хоть до посинения, неделями, и так и не увидеть девчонок! Джек насупился. Чёрт-чёрт-чёрт! Он теряет время. Протирает штаны на заднице. Джек тут же скривился ещё свежим воспоминаниям. Но как быть? Не может же он просто взять и уйти из этой комнаты! Что он скажет, что хочет в туалет и для этого ему нужно обойти всё здание? Которое, к слову, было преогромным. И Джек не исключал наличия подвального этажа. В котором, с наибольшей вероятностью, и скрывалось всё самое интересное и таинственное, не предназначенное для общего взора.

Ну попросится он в туалет, ну отведут его за ручку. Какой-нибудь добрый санитар с физиономией уставшего мясника даже поможет ему расстегнуть штаны. Дальше то что? Сбежать? Прикидываясь идиотом, с воплями помчаться по больничным коридорам, попутно заглядывая во все открытые двери? И надеяться, что за одной из них окажется Элен или Генри? Точняк, их план, как опасался Крейг, полное дерьмо. Что было хорошо на словах, совсем не подходило в

условиях суровой реальности. Жопа, эта была полная жопа.

– Жопаааа!!! Жопааа!!! – совсем рядом с Джеком раздался истошный вопль. Спунер чуть не подпрыгнул от неожиданности вместе со столом. Какого дьявола?!

Как выяснилось, поднял хай один из больных. Толстый низенький человечек лет сорока с отполированной как бильярдный шар лысой головой и косыми, смотрящими в разные стороны глазами. Он истошно вопил, изливая весь гнев на своего соседа по столику – согнутого старика неопределённого возраста, разительно отличающегося от толстяка. Общего у них было одно – больничные серые робы, напоминающие Джеку самые дешёвые пижамные пары. Толстяк, брызгая слюной, надрывался белугой, тыча в старика похожим на сардельку пальцем, и посекундно оглашал залу словом «жопа». Из чего Джек сделал вывод, что словарный запас лысого недоумка весьма ограничен.

Причина возмущения толстяка состояла в том, что старик отобрал у него головоломку, над которой толстяк бился несколько часов, пытаясь состыковать два картонных элемента. Старик же, которому явно всё надоело, увлечённо, не обращая внимания на воющего лысого, уже складывал в общую картинку последние кусочки. Джек усмехнулся. Он бы, наверно, тоже не выдержал. К месту криков спешила медсестра. Половина психов не обращала на происходящее ни малейшего внимания, продолжая заниматься своими делами, другая половина с детским любопытством, вытягивая

шей, ожидала, чем всё закончится. Джек был в числе последних. Хоть какое, но развлечение. И вообще тут надо держать нос по ветру и тщательно анализировать всё подряд. Вдруг пригодится?

Джек исподлобья смотрел, как медсестра что-то настойчиво говорит разъярившемуся толстяку. Медсестрой, поспешившей на разбор полётов, оказалась Норма. Джек не слышал, какие именно доводы привела Норма, но вопли толстяка тут же стихли. Он ещё несколько секунд возмущённо по сопел, дико вращая косыми глазами, потом надулся и сел за стол. Норма обратилась к старику. Тот же, закончив складывать головоломку, с невозмутимым видом подтолкнул мозаику своему громогласному товарищу. Увидев картинку целиком, толстяк немедля заулыбался и, тоненько захихикав, принялся осторожно водить пальцами по поверхности мозаики.

Норма погрозила старику пальцем и, не добившись от того никакой видимой реакции, со вздохом отвернулась. Старик же сложил руки на груди и принялся насвистывать незатейливую мелодию. С него было как с гуся вода. Джек невольно усмехнулся. Не исключено, что этот забавный дед, так же, как и он, только косит под психа. А может и впрямь сейчас витает где-то в заоблачных далях в неведомых странах...

Мимо увлékшегося рассматриванием необычного старика Джека лёгким бесшумным шагом матёрой хищницы прошла Норма. Мальчишка в последний момент успел нацепить на

лицо маску недалёкого тупицы и усердно заулыбаться. Сердце тревожно подпрыгнуло в груди. Чёрт, чуть не спалился!

– А как себя чувствует наш новенький? – приторным сахарным голоском заворковала над Джеком Норма. – Освоился, малыш? Никто не обижает?

– Ааа... Нее... – усердно замычал Джек. Кубики выпали из его пальцев. Светловолосая улыбчивая медсестра с твёрдыми пальцами, безучастными глазами и судя по всему маниакальной страстью к маленьким мальчикам здорово пугала Спунера. Он был готов залезть под стол и изобразить буйный припадок, лишь бы избавиться от её навязчивого внимания.

– Понятно. Ты, наверно, уже проголодался! Потерпи ещё немножко. Через полчаса будет ужин. Тебя проводят в столовую. Сомневаюсь, чтобы ты в последнее время хорошо питался...

Норма наклонилась к Джеку. Её губы зашевелились рядом с его левым ухом. Тёплое дыхание молодой женщины, казалось, опаляло кожу. У Спунера по всему телу встали дыбом волосы. Он едва сдерживался, чтобы не завопить во всю глотку. Норма словно не замечала всех происходящих с ним изменений и продолжала заговорщицки шептать:

– Я же видела, насколько ты исхудал... Одна кожа да кости! Признаюсь, твой дядюшка показался мне ещё тем мерзавцем. Настоящий скупердяй. Наверняка он морил тебя голодом. Сомневаюсь, что он вообще любит детей. А я люблю.

Медсестра игриво укисла его за мочку уха и, выпрямившись, наконец-то отошла. К невысказанному облегчению Спунера, покрывшегося целым табуном крупных мурашек. Что происходит? О чём эта гримза ему толковала? Джек почувствовал, что его всё глубже и глубже засасывают зыбучие пески хитроумно расставленной ловушки. Проклятье, а ну вдруг Норма удумает ночью прийти к нему в палату и... И что? Что она посмеет с ним сделать? Да всё что угодно! У обескураженного Джека второй раз за несколько минут выпали из онемевших пальцев кубики. Дело дрянь. Долго ему не продержаться. А если его раскусят? Тогда вообще кранты. Почему-то Джек ни капли не сомневался, что руководству поликлиники очень не понравится, что в их дела влезли два посторонних и очень любопытных носа.

Джек чуть приподнял голову, обводя нарочито остекленевшим взглядом зал, заполненный одинаково одетыми людьми, у которых на сорок душ вряд ли наберётся больше мозгов, чем сможет уместить голова ребёнка. На миг ему сделалось не по себе. Джеку показалось, что за внешним больничным лоском, за бросающейся в глаза стерильностью кроется нечто странное. Неправильное. Загадочное, безумное, опасное. Словно за брошенной в лицо ловкой рукой фокусника мишурой из доброжелательных улыбок медсестёр и надёжных спин санитаров пряталось что-то зловещее. Атмосфера тревоги и безнадёги незримо окутывала убранство Мерсифэйт. Безумие... Джек чуть не расхохотался. О чём

это он, чёрт возьми?! Он же торчит в сумасшедшем доме!
Как тут ещё должно быть?

Двоякость. Двуличие. Он видит изнанку. Одну сторону медали. Он видит лечебницу взором, доступным многим. А из-за невидимой стороны просачивается, словно гнилостные болотные испарения, аура подавляющего страха, животной паники, бесконечной боли и рвущей душу тоски... Джек судорожно втянул в себя воздух. Эге-гей, да он уже сам начинает рассуждать как заправский псих!

Глава 3

...Ужин. За свою жизнь Джеку доводилось есть всякой гадости. Он был неприхотлив в плане еды и практически лишён брезгливости. Мог сожрать что угодно, если это что-то будет хоть отдалённо напоминать пищу. Однако же, уныло ковыряясь в тарелке с жидкой овсянкой, он не мог не признать, что на харчах в психушке нещадно экономят. Овсянка была недосолённой, количество масла в ней равнялось одному кусочку на десятиведерный чан, хлеб был чёрствым, а налитый в стакан компот цветом напоминал анализы. На вкус, кстати, тоже. Что там говорила Норма о его худобе? Она что, намекала, что на такой дерьмовой жрачке он вскорости превратится в кабана?

Любопытно. На вид недостатка в средствах клиника явно не испытывала. А кормили не лучше, чем в рабочем доме. И это ужин в общей столовой для неопасных привилегированных пациентов, между прочим. Чем же кормят особо буйных, помоями, что ли? Здоровенные мастиффы у главных ворот в шкуры едва вмещались. Да и присматривающие за порядком мордатые санитары явно не на хлебе с водой живут. А может это одна из метод лечения пациентов? Специальная диета? Разгрузочный день? А завтра, например, здесь начнётся обжираловка. Впрочем, это уже не его проблемы. Завтра его уже тут не будет.

Согрев себя этой мыслью, Джек без аппетита дожевал кашу. Чего не скажешь о его новых компаньонах. Психи, фактически все как один, навораживали так, что за ушами трещало. То и дело сёстры подносили желающим добавки. Столовая размерами не уступала игровой комнате и располагалась в восточном крыле здания. Всё на том же первом этаже. На больших окнах всё те же железные решётки. На улице уже сгущался вечерний сумрак, грозя перейти в непроницаемую ночную тьму. В столовой горели электрические лампочки. Огромный камин, расположенный в одной из стен, как показалось Джеку, не использовался по назначению уже много лет. Зато от труб парового отопления шло устойчивое тепло. Что и говорить, а больница была технически оснащена по первому классу. Уж в этом Джек разбирался. Да, денег на больницу не жалели. У Спунера было особое чутьё на невидимые потоки финансовых вливаний.

В столовой были установлены несколько длинных укрытых скатертями столов, за которыми при случае могло уместиться человек двести, не меньше. Но скорее всего, остальные пациенты больницы трапезничают в иных условиях. Кривясь, Джек допил компот и с отвращением вытер губы засунутым ему за ворот слюнявчиком. К слову, далеко не все из жующих рядом с ним людей были знакомы с назначением сего нехитрого гигиенического предмета. Кто-то беспрестанно сморкался в него, кто использовал, как головной платок. Один тип на глазах Спунера аккуратно обмотал слюняв-

чиком ложку, будто она была раскалена добела. Он осторожно ел овсянку, перед каждым глотком усердно дую на неё. Некоторые половину не доносили до рта, а роняли на пол. Иные же умудрялись залить всё вокруг компотом. Кто-то на дальних задворках стола устроил перестрелку из скатанных кусочков хлеба. Джеку оставалось только поблагодарить себя за неторопливость. Он вошёл в столовую последним и уселся с самого краю уставленного приборами стола.

Его ближайшим соседом был тощий, похожий на бледного червя мужик лет сорока с засаленными, до плеч волосами и лицом, изрядно побитым оспой. Рябой склонился над своей тарелкой, широко расставив локти, так, что кончики его волос окунались в стакан с компотом и вкрадчиво разговаривал с овсянкой. Спунера разобрало невольное любопытство. Он ещё никогда не видел, чтобы кто-нибудь запанибратски беседовал с кашей! Не забывая пускать слюни и изредка что-то похрюкивать под нос, Джек оттопырил в сторону рябого ухо. Как выяснилось, патлатый псих справлялся о здоровье овсянки, как она провела этот день, и как поживает мистер Бобкинс. Судя по довольной роже рябого, овсянка отвечала ему полным пониманием...

Чертыхнувшись, Спунер возвёл очи горе. Господи. Да здесь и вправду, даже если абсолютно вменяем, то обязательно вскорости свихнёшься! И тут взгляд Джека упал на закреплённый на потолке, под одной из несущих дубовых балок рупор с отведёнными в сторону проводами. Хм, что это?

Обычный электрический громкоговоритель или же тревожная система? Вдруг это сирена, готовая взвыть во весь голос? Скорее всего, точно такая же штуковина была установлена и в игровой комнате. Просто Джек не заметил. Зато он заметил рядом с настенными выключателями большущие красные кнопки, прикрытые круглыми решётчатыми дверцами с замочными скважинами. И почему-то Джеку показалось, что ключики к этим скважинам есть у каждого члена больницы персонала.

Да тут система безопасности почище, чем в Радостном причале, подумал Джек. Радостным причалом обитатели Дна называли центральную городскую тюрьму общего режима. А что, очень даже похоже. Решётки, мощные двери, санитары вместо надзирателей и медсёстры взамен фараонов. Вот только Спунер поймал себя на том, что до сих пор не увидел ни одного из врачей. Ну, не считая того, кто ставил ему диагноз в приёмном покое. Неужели у специалистов так много работы, что они безвылазно сидят по кабинетам? Или же просто все разъехались по домам? Наверняка в больнице существует уже годами отработанный график дежурств...

Интересно, во сколько здесь начинается отбой? И спросить то ни у кого не спросишь. Джек нетерпеливо заёрзал на жёстком стуле. Часов в десять, не позже. Подъём примерно в шесть, может, в семь. Начало процедур и курса лечения. Что-то уж больно не хотелось Джеку испытывать на себе все чудодейственные способы излечения безумия от местных ко-

новалов. Скорей бы утро. Скорей бы увидеть хмурую физиономию Джентри. Конечно, инспектор будет зол и возмущён. Наговорит ему кучу неприятных вещей о безответности и неоправданном риске, о том, что он в жизни не видел более непродуманного подхода к делу... Спунер с трудом сдержал разъезжающиеся в невольной улыбке губы. Да он бы с радостью выслушал во сто крат больше, только бы этот миг настал.

Генриетта, Элен. Джек сразу погрузился. Он покосился на рябого, которой со слезами уминал кашу, посекундно выспрашивая у мистера Бобкинса прощения. Как же ему, чёрт возьми, разнюхать о девушках? Ни малейшей зацепки, ничего. Ни одного намёка, что они здесь. Идиоты, неужели они с Крейгом могли подумать, что внутри лечебницы всё пойдёт гладко и складно? Как выяснилось, попасть сюда было самым плёвым делом. Ладно, думай, думай, дубина... Где их могут держать? Ну уж точно не у всех на виду! Скорее всего, в отдельных палатах, для тяжелобольных. А может и вообще в каких-нибудь подземных казематах. На невидимой стороне, в царстве запахов тревоги и страха. Только там! Здание больницы огромное. И спрятать в нём двух человек не тяжелее, чем схоронить в стогу сена пару иголок.

Может и ему внезапно имитировать трясучий припадок? Или же накинуться на санитаров? Насколько велики шансы, что его отправят в место, где, вероятно, томятся и пропавшие девчонки? Немного поразмыслив, Спунер с разочарова-

нием вынужден был отказаться от этой идеи. Не такая уж он важная птица. Скорее всего, стоит ему выкинуть какой-нибудь фортель, он тут же профилактики ради схлопочет промеж глаз, а завершатся его подвиги ударной дозой успокоительного с последующим привязыванием к кровати в собственной комнате и личными пожеланиями сестры Нормы доброго сна.

Неизвестно, сколько бы ещё Джек раскидывал мозгами и терзался бесплотными идеями, если бы в его жизнь не вмешался случай. Впрочем, так зачастую и происходит. Решение проблемы возникает само собой, спонтанно. Ярким цветком расцветая у тебя под носом. Не сказать, что в данном случае решение выглядело самым наилучшим и безопасным, но это был своего рода шанс. А шансов Мерсифэйт отмеряла крайне редко и очень скупой.

После ужина их вывели из столовой. Завсегдатаи клиники привычно разбрелись по своим берлогам. Некоторых отводили медсестры. Скучающие санитары почти не обращали на пациентов внимания. Комната Джека, как он быстро понял, находилась на втором этаже. Вездесущая Норма взяла его за руку и, улыбаясь, сказала, что покажет ему место, где он теперь будет спать. Для этого требовалось выйти в холл и подняться по лестнице.

Светловолосая медсестра тащила его за ручку, как едва научившегося ходить ребёнка. Джек изо всех сил старался идти как можно медленнее. Он вяло загребал ногами и цеп-

лялся носками башмаков за дубовый паркет. Норма стоически терпела все его выкрутасы. С её лица не сходила довольная улыбка. Которая, кстати, Джеку совсем не нравилась. Он ощущал себя ведомым на убой барашком.

Они поднимались по ступенькам, когда в холле появились эти люди. Двое мужчин. Один среднего роста, в длинном плаще с поднятым воротником и низко надвинутой на глаза шляпой. Спунер никогда его не видел. А у него была отменная память на лица. Впрочем, как такового, лица этого человека видно и не было. Словно он нарочно скрывал его. Зато второго... Второго мужчину, облачённого в пальто, шляпу-цилиндр и перчатки, Джек уже имел сомнительную честь лицезреть ранее. Совсем недавно. И когда Спунера обожгло вспышкой узнавания, у него чуть ноги не подкосились. Дьявол его раздери, а он что тут делает?! А вдруг он запомнил Джека? И сейчас ткнёт в него длинным сухим пальцем и крикнет на весь холл: эй, я знаю этого мальчишку, никакой он не сумасшедший, он явно самозванец, не тот, за кого себя выдаёт!

Джек непроизвольно сжал пальцы Нормы. Медсестра удивлённо посмотрела на него. Она никак не могла увязать внезапного проявления чувств у своего подопечного с появлением в холле гостей лечебницы. Они поднялись до середины лестницы. А Джек старался быть как можно более незаметным. Он даже идти стал быстрее. Украдкой косясь вниз, Джек увидел, что вновь прибывших сопровождает прилич-

но одетый джентльмен умного вида, в наброшенном поверх дорогого костюма белоснежном халате. Наверняка один из ведущих специалистов, решил Спунер. Определённо не последняя больничная шишка. Может даже, личный подручный Аткинса. И скорее всего иначе и быть не могло. Учитывая, кто именно пожаловал в больницу и то, что их встречал лично этот тип... Джек ещё раз бросил быстрый взгляд на эту парочку. Один из прибывших быстро удалился с врачом в направлении западного крыла. Они о чём-то переговаривались. Второй, невозмутимо осмотревшись, остался терпеливо коротать время в холле.

Игнорируя расставленные вдоль стен кожаные диваны, старый знакомец Джека застыл непоколебимой статуей, заложив руки за спину. Он так и не увидел Джека. По правде, у Спунера не было уверенности, смог бы этот тип теперь его узнать. С момента их встречи Джек малость преобразился. Но бережённого бог бережёт. Оказавшись на опоясывающей холл галерее, Джек облегчённо перевёл дыхание. Пронесло. Но что, чёрт его возьми, он здесь делает? Поздновато для визитов... И тут Джека будто молнией пронзило. Он дёрнулся, вызвав новый недоумевающий взгляд Нормы.

– Что-то ты возбудился на вечер, малыш, – проворчала она. – Любопытно!

Но Джек впервые не обратил на её слова внимания. Он лихорадочно размышлял, уже совершенно не заботясь, куда его ведут. Он запомнил направление, по которому ушли врач

с прячушим лицо гостем. Это сейчас было намного важнее. И, кажется, Джек начал догадываться, кем мог быть этот второй человек. Особенно учитывая, что он преотлично знал, кем был первый.

Элен точно здесь. Они приехали к ней. Тут других вариантов и быть не может. В лицо мальчишки бросилась кровь. Всё сходится и подтверждается. Аткинс, Гиллрой... Они все повязаны одной прочной верёвкой. Надо что-то делать. Времени в обрез. Джек это нутром чуял.

* * *

Элен задышалась от злости. От злости, отчаяния и беспомощности. Господи, как же она хотела сейчас умереть! Но девушка подозревала, что даже этого ей не дадут сделать. Не позволят. Как можно умереть в настолько хорошо оснащённой по самому последнему слову технического прогресса клинике? Да уж, с виду обычная психбольница на поверку оказалась оборудована не хуже Королевского госпиталя. И работающие здесь люди, несмотря на то, что были полными психами, своё дело знали крепко.

Её могут пытаться до бесконечности. Подводить к крайней черте и отступать. Балансировать на границе смерти. А современная наука в случае чего поможет вытянуть её обратно, на сторону ещё живых. Покончить жизнь самой лично ей так же никто не даст. Если не прикажут, разумеется. Элен сморгнула выступившие в уголках глаз слёзы. Это было хуже всего. Наиболее унижительно и мерзко. Сжиматься всякую

минуту в ожидании приказов. Зная, что не сможешь противостоять кодовым фразам и властному голосу доктора Аткинса. Он стал для неё царём и богом. Единственным властителем её разума. И она ничего не могла с этим поделать.

Окончившаяся полным провалом попытка к бегству привела девушку в эту комнату. Она не была похожа на обычную больничную палату. И не только за счёт наличия специального металлического стола, к поверхности которого её привязали мягкими кожаными ремнями. Стол при помощи специального механизма мог поворачиваться вокруг своей оси и даже подниматься вертикально. Элен более всего он напоминал дыбу, на которой она была растянута с разведёнными в сторону ногами и опущенными вдоль туловища руками. С неё сорвали шапочку, так что её волосы разметались по столу, но оставили больничную рубашку. Обнажённые руки и ноги покрывали тысячи мурашек. Грудь равномерно вздымалась, с искусанных губ девушки срывалось натужное дыхание. Больше она не могла пошевелить ни пальцем.

В палате совсем не было окон, свет лился из подвешенных к потолку светильников. Входная железная дверь была закрыта. Пол устилал дубовый паркет. Вдоль одной стены стояли шкафчики, напротив другой – письменный стол с креслом. Кушетка. Два стула. Комната скорее выглядела как чей-то неброский и простенький кабинет. Всё консервативно, строго, ничего лишнего. Вот только этот проклятый стол никак не вписывался в общий интерьер. Наверно она

не первая, кто оказывался к нему привязан, подумала Элен. Возможно, это и впрямь кабинет одного из её мучителей, где он обычно ведёт беседы с пациентами. А пациенты бывают разные. Поэтому наличие подобного стола с ремнями никогда не помешает. Но не в её случае. Она то нормальная! Она абсолютно здорова, несмотря на все усилия Аткинса и его клики уверить её в обратном.

Девушка мысленно напряглась. На её лбу крупными градинами выступил пот от чудовищных усилий. Но тщетно. В её состоянии она была неспособна и пёрышко сдвинуть. Проклятье! Насколько же она слаба... И насколько сильны её враги. Аткинс. Жуткий монстр, только с виду похожий на человека. Элен чуть не теряла сознание от страха всякий раз, как представляла его входящим в комнату. К ней вернулись прежние чувства. Действие наркотиков окончательно развеялось. Она вновь стала бояться. Эмоции снова захлёстывали её, терзали обузданный разум, истязали пленённую душу. Единственное, что ей оставалось, это думать. Но много ли толку от этих скромных возможностей? Думай, не думай, а ремни от этого не расстегнутся и двери не отворятся. Чёрт, и впрямь остаётся только уповать на внезапное появление прекрасного принца! Элен мысленно усмехнулась. Мышцы лица так же не слушались её...

Она уже потеряла счёт времени. Сколько она провела растянутой на этом холодном столе? Час? Два? В животе громко урчало, в горле пересохло. Хорошо хоть, пока не хотелось

в туалет. Обмочиться прямо тут Элен как-то совсем не прельщало. А может она и не хочет, потому что Аткинс дал ей специальную команду.

Из глаз девушки потекли очередные ручейки слёз. Совсем она раскисла... Только и делов ей осталось, что валяться тут беспомощной куклой, да тонуть с собственных соплях и слезах. Элен всеми силами возжелала, чтобы произошло хоть что-то! Что угодно, только бы побыстрее. Она устала от безысходности, от постоянных тревожных ожиданий, от страха. Пусть уж лучше к ней наведается Аткинс, чем вот так лежать и вздрагивать от каждого шороха, пытая сама себя страшными мыслями. Подобное бездействие хуже всего! Так она и впрямь вскорости с ума сойдёт!

Психиатр сказал, что её пришли навестить. Старый друг. Врёт, конечно. Элен была готова заложить последние отпущенные ей часы за то, что Аткинс лжёт. У неё нет таких друзей, которые пришли бы к ней в гости сюда, в здание Мерсифэйт. Скорее всего, это друзья самого Аткинса, которых чокнутый мерзавец пригласил поглазеть на неё. Кто знает, какие он устраивает тут представления с беспомощными жертвами? Вдруг у него есть немало знакомых богатых извращенцев, которые за определённую сумму не отказывают себе в радости позабавиться с пациентами? Дьявол, зря она об этом подумала, понурилась Элен. Быть изнасилованной каким-то жирным ублюдком прямо на этом столе, будучи не в силах даже пискнуть, как-то совсем не пришлось ей по нутру.

А может... А может и впрямь это прекрасный принц? Который, возможно, захочет выкупить её у злобного чудовища в белом халате, освободить. Взять к себе в дом и зажить с ней долго и счастливо, до старости плодя детишек! Если бы смогла, она бы захохотала во всю глотку. Что-то ей подсказывало, что в самом ближайшем времени она увидит этого принца...

Не успела Элен об этом подумать, как скрипнула дверь, ей голые ноги лизнул холодный сквозняк, а комнату заполнил преувеличенно добродушный голос Абрахама Аткинса.

– О, мисс Харт, надеюсь, я не заставил вас долго скучать? Иногда я веду себя, как последний плебей, недостойно гостеприимного хозяина. Прошу меня простить.

Голос Аткинса перемещался вместе со звуком его шагов. И вот он встал в изножье кровати, одетый всё так же, с тем же хитрым блеском в маленьких колючих глазках. Психиатр пригладил бородку и сказал:

– Ваш взгляд по-прежнему способен опалить без огня! Тут всё понятно без слов... Я понимаю, каково вам. Сочувствую. Но напоминаю, что мы вместе с вами служим более высокому делу. Не забывайте об этом, моя дорогая. Помните, я говорил, что вас пришли навестить? Радуйтесь, встреча с вашим старым другом сейчас произойдёт. Он уже за дверью, только и ждёт, чтобы войти...

Сердце Элен испуганно рванулось из груди, низ живота заледенел. Ну, ты сама этого хотела, дурёха... И чем тебе

только не нравилось лежать тут себе, да спокойно поплёвывать в потолок?!

– Ещё хорошие для вас новости. На время свидания с вашим старым приятелем я верну вам способность двигаться. Конечно в пределах этого стола! Развязывать вас точно никто не будет. Но вы опять сможете шевелиться и говорить. Ваш друг особенно указывал на это обстоятельство. Думаю, вам будет, о чём потолковать!

Аткинс коротко рассмеялся. Лающий противный смех. Элен не спускала сузившихся глаз с его кадыка, поросшего коротенькими жёсткими тёмными волосками. С какой бы радостью она вцепилась ему в глотку. Ненависть на миг снова пересилила страх, заставляя девушку, не отрываясь, смотреть ему прямо в лицо.

– Ладно, не смею больше отнимать у вас время, – Абрахам на миг задержался у изголовья и ласково коснулся щеки Элен. – Растай.

Глава 4

И вышел из комнаты, оставив девушку в полном одиночестве. Растай. Она не сразу сообразила, что после того, как врач произнёс это слов, она вновь смогла двигаться. Ощутила все свои члены, снова вернула контроль над собственным телом.

Элен выгнулась дугой. Каждая мышца её измученного тела напряглась, каждая жилка отчаянно зазвенела. Зубы закрипели, в глазах потемнело. Элен старалась. Очень старалась освободиться, но ремни только больно врезались в кожу рук и ног. Бесполезно! С таким же успехом она может попытаться просто взять и испариться.

В комнате вновь послышались шаги. Занятая борьбой, девушка даже не заметила, как невидимый посетитель вошёл внутрь. Элен тут же прекратила извиваться на столе, как червяк, посаженный на крючок. Спокойно, силы ей ещё понадобятся, если этот урод, неважно, кто он там, полезет к ней под рубашку. Лёгкой прогулки Элен ему ну никак не обещала!

Вошедший в комнату человек остался стоять в изголовье стола, по-прежнему невидимый для привязанной девушки. Пленница Мерсифэйт, конечно, могла изогнуться, запрокинуть голову и увидеть его. Но она не стало этого делать. Элен решила сохранить остатки достоинства, показать, что не боится его. И экономить силы. Вместо этого она презрительно

сказала:

– Ну что же вы там стоите? Не видите, что я не могу пошевелиться? Пройдите так, чтобы и я вас увидела. Или вы боитесь меня даже беспомощную?

Раздался смешок. Просто короткий звук, выражающий крайнюю степень веселья её гостя. Он пошевелился. До девушки донесся шорох его одежды. И ещё она услышала его дыхание. Затаённое, спокойное, как у уверенного в себе хищника. И тут раздался его голос. Тихий и вкрадчивый.

– А ты ещё прекрасней, когда лежишь вот так, не в силах встать... Не подняться... Не сбежать. Беспомощная и желанная.

Элен вздрогнула, будто в неё одновременно вонзили сотни остро отточенных игл. Голос. Этот голос был ей определённо знаком! Она зажмурилась и вновь открыла глаза, отчаянно прислушиваясь, боясь пропустить хоть слово.

– Я так рад тебя видеть. Я скучал по тебе, Элен. Ты даже не представляешь, насколько. Надеюсь, и тебе меня не хватало.

Такой знакомый голос... Знакомой до боли, до дрожи, до вгрызающейся в мозг паники. Элен испугалась. Хотя казалось бы, куда ещё больше? Она уже настолько сжилась со страхом, с этим постоянно живущем в ней последние дни чувством, что он стал частью её целого. Но где же она слышала этот голос... Где? Ей показалось, что очень давно, в другой жизни. И голос этот раньше звучал несколько иначе. Словно невидимый ей человек с тех пор существенно изме-

нился. Голос, вне всякого сомнения, принадлежал молодому человеку. Возможно, не намного старше неё. Кто-то из забытого детства? Старый знакомый, выбившийся в люди? В появление долгожданного принца как-то не особо верилось!

– Кто ты такой, чёрт тебя дерит? – грозно спросила девушка. Со стороны могло показаться, что это она была хозяйкой положения, а говоривший с ней человек пленником этой комнаты. – Мне уже надоело разговаривать с пустотой. Если боишься показать мне лицо, то выметайся отсюда к чёртовой матери. С меня достаточно одного Аткинса!

– Док иногда бывает чересчур импульсивен, – вновь усмехнулся он. – Но ты, безусловно, права, Элен... Я веду себя невежливо. Некрасиво. А ведь мы с тобой стали большими друзьями! Надеюсь, это ты помнишь?

Как же бесшумно он ходит, с внезапной тревогой успела подумать Элен, когда слева от неё показался силуэт приблизившегося к столу человека. И вошёл незаметно... Всё это было очень знакомо.

Он прошёл в изножье стола и остановился. Он стоял, сверху вниз глядя на Элен. Стоял и молча смотрел. Его красивые, изящно очерченные губы улыбались. В голубых глазах блестели азартные огоньки. Но в них не было ни капли тупой обречённой покорности, присущей ведомой на убой скотине. Такого взгляда у Стефана Гиллроя Элен ещё никогда не доводилось видеть!

– Стефан! – потрясённо выдохнула девушка, приподни-

мая голову и не веря тому, что видит. В её голове зашумел морской прибой, жуткое потрясение отвесило звонкую пощёчину её разуму, отказывающемуся верить в происходящее.

– Привет, Элен, – поздоровался наследник династии Гиллроев, улыбаясь. И улыбка его была настолько холодной и циничной, что Элен чуть не разрыдалась.

Не может быть... Этого просто не может быть! Всклипнув, она до крови закусил губу, чтобы не завывать во весь голос. В её голове одна за другой рвались петарды, засыпая черепную коробку обрывками разбитых надежд, несбывшихся мечтаний, веры в правду и справедливость... Чудовищная догадка опалила её. Ложь! Всё было ложью! Стефан... Он вовсе не сумасшедший. Он всегда был нормальным. А его безумный взгляд... Капли. Эти чёртовые капли, что ему выписывал доктор Аткинс. И она, дура, лежит здесь только потому, что сунула нос, куда не надо. Потому, что верила в какие-то человеческие ценности, думала о других... Она стала жертвой самой себя. И жертвой человеческой лжи, подлости, коварства Стефана Гиллроя... Ну как же так? Элен затряслась в сдавленных рыданиях. У глядевшего на неё юноши радостно расширились зрачки, крылья тонкого носа затрепетали, словно у гончей, почуявшей добычу. Он действительно рад меня видеть, с ужасом поняла девушка, сквозь слёзы глядя на его красивое породистое лицо. На лицо человека, который всё время притворился. Носил маску. Который так

много узнал о ней. Который видел её голой. Которому она доверяла. Кого защищала. Тот, кто ей нравился. Чёрт, да она же почти полюбила его! А он предал. Он одним своим голосом, одним взглядом ставших так похожих на материнские голубых глаз разбил её. Уничтожил, втоптал в грязь.

– А-а-а! – не сдерживаясь, завопила девушка, запрокидывая искажённое лицо к потолку. Она чуть не захлёбывалась слезами, рыдания в клочья драли глотку. Тоскливая боль сжала сердце в когтистой безжалостной лапе.

Стефан выглядел удивлённым:

– Боже мой, Элен, да что с тобой сделали... Я лично поговорю с Абрахамом. Тебя надо лечить, а не доводить до слёз! Право слово, я крайне недоволен тем, как расходуются деньги нашей семьи.

Громко задышав, Элен со злостью пополам с болью посмотрела на него. Юноша излучал искреннее недоумение и заботу. Он протянул руку и нежно дотронулся пальцами до её обнажённой лодыжки. Элен вздрогнула, словно её кожи коснулась скользкая холодная чешуя ядовитой змеи.

– Стефан... Как ты мог... Я же считала тебя своим другом. Понимаешь, другом! Я думала, что мы, несмотря на твой недуг...

– Элен, милая, я не понимаю твоего негодования! – несколько обиженно воскликнул Стефан, резким движением всовывая руки в карманы брюк. Элен отметила про себя, что он довольно неплохо смотрится в светлом костюме с набро-

шенным на плечи белом халате. Но она бы отдала всё на свете, чтобы вновь увидеть его в затасканной грязной пижаме... – Мы были и остаёмся друзьями. Ничего не изменилось. Ты и впрямь мне нравишься. Ты здорово отличаешься от всех предыдущих дур. Ты бы могла и дальше работать в нашем доме, нянчить моих брата с сестрой. Могла бы!

– Тогда почему я лежу здесь?! – яростно выкрикнула Элен, приподнимаясь на локтях. Ремни заскрипели, удерживая её на столе. – Если всё так, как ты говоришь, зачем всё это? Почему вы отдали меня в руки этого ужасного человека? Ты хоть представляешь, что мне довелось испытать? Ты знаешь, что здесь вообще происходит, Стефан?!

Ответ юноши заставил её вновь упасть навзничь. Младший Гиллрой невозмутимо улыбнулся и сказал:

– Конечно знаю. Я не в первый раз здесь. И отлично знаю, чем занимается доктор Аткинс. Повторюсь, ты не первая. Аткинс великий человек. Он многого добьётся. И я буду рядом с ним. Он тоже мой друг...

– Как и все те девушки, что были до меня и которых замучили в этой чёртовой психушке, да? – с ненавистью прохрипела Элен.

Стефан осуждающе покачал головой.

– Милая моя Элен, ты всё утрируешь. Я искренне хочу тебе помочь. У тебя чересчур любопытный носик, правда. Я действительно, наверно впервые в жизни, почувствовал искренний интерес к девушке. К тебе. Ты бы осталась у нас,

честное слово! Ты отличаешься от остальных. Я бы не позволил никому тебя тронуть, но... Но почему ты решила, что все твои поползновения сойдут тебе с рук? В столь серьёзном деле мы не имеем права рисковать. И приходится задвигать собственные чувства в сторону... Но ничего. Мы будем часто видеться. Я тебя не забуду. Обещаю.

Элен слушала его с нарастающим ужасом и постепенно приходила к осознанию того, что Стефан всё же сумасшедший. Он настоящий безумец. Псих, которому место здесь, в Мерсифэйт, на этом самом столе, вместо неё. Она неверяще смотрела в его голубые глаза. В глаза, наполненные пониманием происходящего, изрядным самомнением и затаённой угрозой. Это были страшные глаза. И она не могла оторваться от них.

– Ты принесёшь огромную пользу. Для всех. И для меня в том числе. Обещаю, что возьму твоё лечение под личный контроль.

– Я ничем не больна, – процедила девушка. – Хватит кормить меня этой чушью! Аткинс ставит на мне какие-то непонятые опыты, он может управлять мною против моей же воли... И тебе отлично известно, что я для него всего лишь безликий пациент номер такой-то! И для тебя я никто. Я кукла, которую можно сломать и при случае выкинуть. Ведь всегда будут другие, верно, Стефан? Всегда найдутся дурочки, которые придут в ваш дом и затем так же бесследно исчезнут, как я и предыдущие? Сколько уже душ на вашей с доктором

Аткинсом совести? Они снятся тебе по ночам, Стефан?

Юноша негромко рассмеялся, вытащил руку из кармана и сильно сжал пальцы на её лодыжке. Элен вся задрожала от вскипевших отвращения и злости.

– Признаться, я сплю прекрасно, – улыбаясь, сказал он. – У меня крепкий сон праведника, милая. Мне не в чем себя упрекнуть. Я знаю, что поступаю правильно. Я думаю о будущем человечества. Не надо так хмурить брови и дуть губки. Ты создана для больших свершений, моя девочка... Просто ещё до конца не осознала этого. Но я помогу тебе.

– Стефан, если я тебе на самом деле дорога, то помоги мне, – проклиная себя за слабость, взмолилась Элен. Она пристально смотрела на него помутневшими от слёз глазами, слова с трудом продирались через сдавленное спазмами горло. – Помоги мне сбежать отсюда, пожалуйста. Стефан...

Он тяжело вздохнул, не переставая гладить её лодыжку. Смущённо отвёл взгляд (тут Элен могла бы поклясться, что он ломает комедию!) и сказал:

– Ты заставляешь меня идти на невыполнимое... Я не могу обещать тебе того, чего не в состоянии сделать. Элен, ты станешь здесь. Ты нужна нам, глупая девочка. Неужели ты не понимаешь? Со временем ты взвесишь все за и против...

– Предыдущие девушки – они тоже не понимали? – глухо спросила Элен, изо всех сил смаргивая с глаз слёзы. Она старалась взять себя в руки. Чёрта с два она добьётся, если будет скулить как побитая собака. Но как же она слаба... – Что с

ними случилось? Они отдали жизни ради высших целей? Да? Они все умерли здесь, на этом, возможно, столе? А ты так же стоял и смотрел на них? Уговаривал, успокаивал! Обещал и улыбался! Скольким ты лгал, Стефан? Сколько девушек ты отдал в лапы этому чудовищу?! И мне интересно – как смотрят на твои шалости родители? Ты на редкость плохой непослушный мальчик. Скажу больше – ты сумасшедший, Стефан. Ты действительно конченный псих. И тебе самое место здесь. Тебе, не мне!

На утончённом лице Стефана отразилось дикое веселье. словно за безмятежной маской красивого голубоглазого юноши мелькнул оскал дикого хищного зверя. Младший Гиллрой радостно вскричал:

– Отлично! Отлично, красотка! Вот это другой разговор. Такой ты мне нравишься ещё больше. Я знал, что ты обязательно должна взорваться, знал. Все эти тихие сюсюканья и жевание соплей – не для тебя. Я говорил Аткинсу, что ты – это просто нечто. Ты другая, девочка. Давай, скажи ещё что-нибудь. Скажи!

Элен рванулась вперёд, скрипнув кожей ремней и плюнула, изумляясь, что в пересохшей глотке ещё осталось достаточно влаги. Впрочем, плевок вышел крайне слабым и своей цели ожидаемо не достиг. Девушка побагровела от злости. Сказать? Да у неё столько слов на языке вертится! И снова страх отступил... Странно, подумала она, буравя посмеивающегося Стефана заволочёнными ненавистью глазами, гнев

придаёт ей сил? Стоит ей начать злиться, как она забывает про страх. Может в гневе и черпать надежду на спасение? Но в состоянии ли гнев разорвать цепи?

– Я бы ещё больше сделала, чем сказала. Если бы смогла, – мрачно пообещала Элен. – Благодарю бога, что я связана, ублюдох.

– Ты хочешь вывести меня из себя, – промурлыкал Стефан, наклоняясь к ней и с шумом втягивая воздух. – О-о-о, ты, кстати, прекрасно пахнешь, милая... Так вот, ты хочешь, чтобы я сорвался, да? Говорить мне о том, насколько я плох, что меня высекут родители... Вздор! Оставь эти игры. Тебе не выиграть. Не у нас. Мы знаем все правила, ха-ха. Этой ерундой меня не пронять, нет. Но ты можешь попытаться. Со стороны это выглядит даже забавно!

Стефан засмеялся. Элен уже ненавидела его смех. А ведь сколько раз она представляла, как он смеётся. Как они вместе смеются над какой-нибудь незатейливой шуткой. Она представляла иллюзию жизни. Другой. Той, что придумала себе сама. Реальность была совсем другой. Она пахла страхом и ненавистью.

– Я вижу, что тебе хочется выругаться. Грязно и непристойно, – продолжал Стефан, глядя её обнажённую ногу. От его прикосновений девушка периодически вздрагивала. Её не покидала ощущение, что её кожи касается липкий скользкий змеиный язык. – Но ты же воспитанная девочка. Хотя мне кажется, что если копнуть поглубже, то мы узнаем о те-

бе массу интересных подробностей. В тихом пруду черти водятся! А что водится в твоей прелестной головке?

Он с жадным любопытством уставился на неё. Глаза юноши приобрели маслянистой оттенок, их затянуло безумной плёнкой. Трогающие её пальцы мелко задрожали. Элен инстинктивно дёрнулась, пытаясь поджать под себя ноги. Но ремни держали её крепко, даруя лишь несколько дюймов свободы.

– Боюсь, количество тараканов в твоей голове мне не перещеголять, – сказала девушка, стискивая зубы. Ей показалось, что настроение Гиллроя начало меняться. Его взгляд... Он становится похожим на взор настоящего психа. Голубые глаза разгорались яркими факелами, полыхающими бесноватыми огоньками. Это ей не понравилось. Совсем не понравилось. Если Стефан накинется на неё, то вряд ли она что сумеет сделать. Счёт будет точно не в её пользу. Потерять девственность в психушке, привязанной к пыточному столу? Под ненавистным телом маньяка? Того, кого она считала своим другом, и кто предал её? Что может быть хуже?

– Ты такая красивая, – сказал Стефан. И от этих простых слов Элен взвизгнула. Она просто не смогла удержаться. Её душа испуганно сжалась, трепыхаясь, словно угодивший в паучьи сети мотылёк. – Я всегда любил смотреть на тебя. Представлять, что бы я сделал с твоим восхитительным телом... Как бы я любил его... Ну конечно, скажи я тебе об этом прямо, ты бы давно разбила мне голову! Ха-ха!

Он очень мерзко на слух испуганно замершей девушки рассмеялся. Снова посмотрел на её. Зрачки в его глазах расширились. Чёрные точки распылились, соприкасаясь с азартно блестящей голубой оболочкой.

– Но теперь у нас уйма времени. Док пообещал мне, что позволит навещать тебя в любое удобное для нас время. Ты не всегда будешь занята, не расстраивайся. И мы сможем часто видеться. Думаю, в глубине души ты хочешь этого не меньше, чем я.

Элен слушала его речи и не верила своим ушам. Боже, да он же нёс абсолютную чушь, слова, рождённые большим воображением его безумного мозга. Этот белокурый голубоглазый юноша с внешностью ангела был подлинным психом. И этот чокнутый сейчас едва ли не дословно объяснил, что собирается поиметь её! И якобы это действие должно понравиться ей, как и ему! Бред.

– Ладно, не будем тянуть резину, милая моя Элен, – Стефан с самым невозмутимым выражением на лице скинул халат и взялся за брючный ремень. Он насвистывал под нос незатейливый мотивчик и всем видом выражал готовность незамедлительно действовать. – Мы хорошо проведём время, обещаю. Я буду нежен, я буду очень ласково любить тебя, девочка.

Его выдавали лишь мелкие, едва заметные подрагивания рук. Пальцы со щелчком расстегнули пряжку ремня. Обострённое зрение Элен улавливало все мельчайшие нюан-

сы, происходившие с ним. Дрожь пальцев, выступившие на носу мельчайшие бисеринки пота, лёгкое, почти неуловимое шевеление губ, маниакальный блеск глаз. Чёрт, да у него, похоже, окончательно крыша съехала, уныло подумал девушка. Она в каком-то отстранённом расслабленном состоянии смотрела на него, словно всё, что сейчас творится в закрытом кабинете внутри психбольницы, на самом деле происходит не с ней и не здесь.

Элен из всех сил напрягла мышцы. Ремни заскрипели, натягиваясь подобно якорным канатам. Так же натянулись жилы по всему её телу. Она стиснула зубы, в отчаянии пытаюсь вырваться на свободу. Широкие кожаные браслеты больно впивались в лодыжки и запястья, пот градом заструился по коже. Кажется, ещё никогда в жизни она не прикладывала столько усилий. Причём тщетных. Выругавшись, Элен обессилено рухнула на твёрдую холодную поверхность стола. Её рубашка насквозь промокла от пота.

– Не трать зря силы, – посоветовал Стефан, справившись с ремнём. Однако штаны он не спешил снимать. Он подошёл к ней вплотную и взялся двумя пальцами за подбородок. Элен тихонько зарычала, подумывая, как бы извернуться полоче, чтобы цапнуть его за пальцы. – Какие восхитительные губки... Созданные для поцелуев.

– Ну так наклонись пониже, я тебя поцелую, как никогда ещё не целовали, – сдавленно сказала Элен.

Стефан огорчённо покачал головой, отпуская её.

– Боюсь, ты попытаешься откусить мне язык. А он мне ещё очень сильно понадобится, когда я буду ласкать твою мокрую щёлку.

Против воли девушка покраснела, как перезревший арбуз. Стефан, втягивая носом воздух, наклонился ещё ниже, опуская голову прямо к её промежности. Элен непроизвольно зашептав молитвы, закрыла глаза. Господи боже, помоги ей. Пусть она потеряет сознание, пусть она выпадет из этой реальности, что угодно... Элен даже была бы рада сойти с ума, только бы не чувствовать и не помнить потом, что должно произойти сейчас.

Стефан резко схватился за подол её рубашки и задрал вверх, почти до самой груди. Элен невольно вскрикнула и забилась в стягивающих её ремнях.

– Ублюдок, чёртов ублюдок, не смей трогать меня! Ты, урод!

– Кричи, кричи, – осклабился Стефан. Более похотливого и отвратительного выражения на его лице Элен и представить не могла. Он плотоядно облизнулся и её чуть не вырвало. Рука Стефан нырнула меж её обнажённых бёдер. Элен тут же сжала ноги. Вздогнула и чуть не завопила, когда его тонкие холёные пальцы коснулись её естества. – О, да ты у нас и впрямь ещё девственна... Твоей очаровательной дырочки ещё никто не касался. Я горд... Я действительно горд тем, что буду у тебя первым, милая Элен.

Глава 5

– Пошёл ты к чёрту!!! – в бешенстве заорала Элен, выгибаясь дугой. Гнев в мгновение ока выпалил весь накопившийся в ней страх, уничтожил панику, застил глаза. – Не трогай меня, не трогай! Только посмей и я убью тебя!

Ответом ей был негромкий сумасшедший смех. А потом она ощутила на своём лобке прикосновение мокрых, трясущихся мелкой дрожью от возбуждения тонких губ. И это было самое отвратительно ощущение из всех, испытанных ею в жизни. Совсем не таким она представляла подобный момент. Совсем не таким...

– Давай же, кричи, сопротивляйся, стони! Сучка... Маленькая мокрая сучка, – Стефан обратился к ней покрасневшее лицо. Его губы блестели. Элен чуть не потеряла сознание. Её желудок скрутился в тугий морской узел. Она начала задыхаться. – У тебя сладкая киска, очень сладкая... Тебе непременно понравится то, что я хочу с ней сделать.

Гиллрой одним прыжком оказался на столе, устроился меж раздвинутых ног девушки и заворуженно уставился в низ её живота. Элен, зарывав, попытался дотянуться до него. Напрасно. Как бы она не напрягала мышцы, не сгибалась ноги в коленях, у неё ничего не выходило, кроме слабых бесполезных движений. Стефан глумливо захохотал, становясь на колени и вновь ныряя лицом к её промежности. Из глаз

Элен брызнули слёзы. Лучше бы Аткинс вместе со способностью двигаться лишил её и всей чувствительности и оставил такой... Как же ей сейчас хотелось превратиться в неподвижную деревянную колоду, которая не чувствует ничего ниже шеи.

Но она чувствовала. И это чувство наполняло её отвращением. Она ощущала себя униженной, растоптанной, очень грязной и мерзкой. Но вместе с тем её тело в определённых точках пронзали острые иглы запретного наслаждения. Когда язык Стефана касался её там, она вздрагивала, по телу пробегала сладострастная дрожь, а с искусанных губ начинал срываться стон. И она ничего не могла с собой поделать. В ней бешеным водоворотом закрутился клубок, сплетённый из постыдного, жуткого по своей сути запретного удовольствия пополам со жгучей ненавистью и отвращением.

– О-о-о... Ты стала такой влажной, милая, – приглушенно пробормотал Стефан, не поднимая головы. Девушка злобно смотрела на его светловолосую макушку. Она бы отдала всё на свете, чтобы у неё были свободные руки, и что-нибудь тяжёлое в них. Вид разлетающейся на окровавленные куски черепной коробки Стефана принёс ей небольшое облегчение. Боже, кажется, я начинаю сходить с ума, мысленно заскулила девушка. Я превращаюсь в жаждущую убийства маньячку... Раньше она и допустить не могла мысли причинить кому-нибудь боль. Гнев вновь заворочался в ней, гроз-

но порывивая и вытесняя все остальные чувства.

Элен попыталась отрешиться от происходящего, не обращать внимания на Стефана и ощущения, что дарил его мерзкий язык. Она уставилась в потолок остекленевшими глазами и представила, что находится далеко отсюда, где-нибудь за городом, среди зелёных, пахнущих весной рощ, там, где густая зелёная трава щекочет босые ступни, где тёплый ветер ласково целует разгорячённое лицо. Где нет ни боли, ни страха, ни желания убить кого-то.

– Почему ты перестала шевелиться? – она не сразу сообщила, что Стефан прекратил свои движения и возмущённо зыркал на её. В его задрожавшем от ярости голосе слышалось кровное оскорбление. – Тебе что, стало скучно? Ах ты, маленькая дрянь! Шлюха! Тебе что, захотелось чего-то посерьёзней, да? Ты хочешь, чтобы я засунул кое-что в твою мокрую дырку? Шлюха!

Голубые глаза Стефана бешено вращались, с губ слетала слюна, он стал похож на чокнутого. Элен спокойно выдержала его безумный взгляд. В ней стало просыпаться странное, неведомое доселе чувство...

Гнев начал разрастаться в нечто большее. Ещё никогда Элен не ощущала ничего подобного. Ярость, но холодная. Гнев, но контролируемый. Ей казалось, что направь она свой гнев на что-то бессвязно орущего ей в лицо Стефана и от того полетят одни кровавые ошмётки. В Элен просыпалось чувство, похожее на пробуждающуюся лавину. На свире-

пость затронутого зимой медведя, на отчаяние готовой разорвать любого в клочья волчицы, у которой хотят отнять её щенков. Девушка уставилась на разместившегося меж её бёдер сумасшедшего светловолосого парня. Глаза Элен сузились. В груди что-то запекло, жар, грозящий превратится в бушующее пламя. А гнев был теми мехами, что раздувал его.

– Ты смотришь на меня, как на последнее дерьмо! – красный как кумач Стефан склонился над ней, брызжущие из его рта капельки слюны падали ей на лицо, но ей было всё равно. – Смотри, сучка, смотри! Как тебе понравится вот это?

Рука Стефана, противная и липкая от пота, жадно зашарила по её обнажённому животу. Элен в сотый раз содрогнулась. По телу побежали мурашки. Сквозняк охлаждал её голые ноги, но внизу живота стало жарко. А в груди, тяжело вздымающейся под скомканной рубашкой – ещё жарче. Казалось, ещё немного и от неё можно будет раскуривать трубку.

– Ты хотела этого? Хотела, дрянь?!

Внезапно ощутив резкую боль внизу, Элен вскрикнула. Тут же прикусила губу. Он попытался всунуть в неё свою лапу, поняла она. Этот подонок хотел всунуть в неё свою воющую корявую лапу.

Стефан поднёс к её лицу руку. Указательный и средний палец были окрашены в красный цвет. Кровь. Это была её девственная кровь. Безумно расширившиеся зрачки юноши чуть ли не целиком заполняли глаза. Он едва не задыхался

от похоти, с трудом выдавливая слова.

– О-о-о... Это просто невероятно...

Он сунул пальцы себе в рот и шумно облизал их. Его губы запачкались кровью. Элен затряслась. Ярость окутала её, захватила каждую клеточку тела. Стягивавшие её ремни угрожающе закрипели. Но Стефан не обратил на это никакого внимания... Он задыхаясь, нёс совершеннейшую околесицу:

– Моя сладкая, у тебя такая вкусная кровь... Я хочу ещё. Ещё! И сейчас её будет очень много. Столько, что ты умрешь её... Нет-нет, не бойся, я не причиню тебе вреда. Мы только вскрыем твою раковину. И сделаем это вместе... Сейчас-сейчас...

Он засуетился, спуская штаны, и не увидел, как потемнели глаза девушки. Он не услышал, как тонко запели натянутые струнами ремни. Он не понял, что Элен в одну секунду неуловимо изменилась. Впрочем, она и сама этого не поняла.

Стефан почти проник в неё, когда в наполненной тяжёлым дыханием девушки и его прерывающимся пыхтением комнате раздался хлёткий, бьющий по ушам звук. Словно невидимый великан изо всех сил звонко хлопнул в ладоши. Четыре раза подряд.

Стягивающие конечности Элен ремни лопнули один за другим. Девушка даже не заметила, как это произошло. Она не делала ничего особенного, всего лишь, рыча сквозь зубы, пыталась освободиться. Хлоп! Хлоп! Хлоп! Хлоп! Это было просто райское пение. Треск рвущейся сыромятной кожи

казался изысканнее звуков любой песни. Элен ошеломлённо повернула голову, уставившись на обрывки ремней на своих запястьях. Попробовала подтянуть ноги. Их тоже более ничего не сдерживало. Невероятно! В голове девушки пульсировал ледяной гнев, ярость рвалась из каждой поры её кожи, глаза стали темнее ночи. Элен ещё никогда не чувствовала себя настолько сильной, свободной и решительной. Гнев победил в ней всё остальное.

Стефан замер, скрючившись меж её раздвинутых ног. До него медленно стала доходить вся невероятная ситуация. Он, изумлённо округлив глаза, тарачился на девушку, из уголка его рта стекала тоненькая струйка слюны. Он совершал судорожные глотательные движения, пытаясь что-то сказать, и не мог. Просто смотрел и медленно покрывался ледяной коркой ужаса. Что-то пошло не так! Что-то конкретно пошло не так! Аткинс обещал покорную и податливую жертву, надёжно привязанную к столу. Обессиленную девушку, измученную опытами. Но, что, чёрт возьми, происходит?!

Наверно последние слова он выкрикнул вслух, потому что Элен, не менее поражённо глядя на него, подумала, что и сама не знает... Она лежала как парализованная, понимая, что случилось нечто невероятное. Она освободилась. Сама. И обрывки ремней были тому доказательством. Но как? Как стало возможно, чтобы слабая измученная девчонка порвала ремни, способные удержать обезумевшего носорога?! А не задаётся ли она в данный момент совершенно ненужными

вопросами, тут же приплыла абсолютно трезвая мысль? Детка, незнамо как, но у тебя появились силы десяти мужчин. Так какого же чёрта ты тут лежишь, как камнем пришибленная, и распускаешь сопли? Беги! Беги, пока эти загадочно объявившиеся силы тебя ещё не покинули. Беги из этих стен. Беги, куда глаза глядят, не думая ни о каких последствиях. И не щади никого, кто бы не встал у тебя на пути. Они все здесь, все против тебя.

– К-какого дьявола ты творишь, мерзавка? – сдавленно побулькал Стефан, застыв испуганным кроликом, попавшим под убийственный взгляд удава. Со спущенными штанами, поникшим пенисом, потный, со спутанными волосами он выглядел до того нелепо, что Элен тихонько хихикнула. Смешинки рвались из неё истеричными искорками. И она никак не могла их остановить. Оставалось только в который раз прикусить губы. Так, пора выбираться отсюда.

– Шлюха, я тебя спрашиваю, что ты наделала? – по-бабьи взвизгнул Стефан. До него никак не дошло, что от девушки начало веять отнюдь нешуточной угрозой. – Что с тобой сделал Аткинс?! В кого он тебя превратил, твою мать? Так не должно было быть!

Аткинс. Элен замерла. Как же она сразу не додумалась... Операция. Психиатр думал, что подавил её волю, сделал из неё послушную, подчиняющуюся кодовым фразам марионетку. Но не изменил ли он её ещё больше? Настолько, что даже сам не подозревает об этом? Или же проснувшаяся в

ней сила – это какой-то побочный эффект? Помнится, подручные Аткинса намекали, что не все их опыты заканчивались удачно. Частенько случалось, что эксперименты выходили из-под контроля. Так может, и она тоже вышла?!

– Тебе не кажется, что твой поганый отросток тебе больше не понадобится? – прошипела Элен, резко поднимаясь и садясь напротив Стефана.

Гиллрой, не удержавшись, опрокинулся навзничь. Элен сноровисто подтянула свои обнажённые ноги и встала на колени, поправляя рубашку. Хорош. Она за сегодня достаточно насверкалась своими прелестями. Хорошего понемножку.

– Чёртова шлюха! – вскочил Стефан и с ненавистью ударил её наотмашь по лицу. Элен схлопотала нехилую пощёчину, оставившую на коже горящий красный след.

Она инстинктивно дёрнула головой. Волосы взметнувшись, упали ей на спину. Девушка провела изнутри языком по щеке. Как ни странно, боли от удара она почти не почувствовала. Так, лёгкое прикосновение кончиками пальцев. Вот на что это было похоже. Гиллрой, чертыхнувшись, затряс отбитой рукой. Ему в свою очередь показалось, что он со всего маху вlepил по каменной стене.

– Никогда, больше никогда не смей бить меня, – очень тихо сказала Элен и толкнула его в грудь.

Стефана как ветром сдуло. От удара он пушинкой слетел со стола и шмякнулся на пол, со всего маху приложившись

спиной к дубовому паркету. Из младшего Гиллроя вылетел весь дух. Он лежал, выпучив глаз и широко раскрыв рот. В груди расплзалась острая, рвущая внутренности боль. У него было такое ощущение, будто его лягнула лошадь.

Элен мягко, как кошка, прыгнула со стола, про себя отмечая, насколько она стала подвижной и ловкой. Ей казалось, что если как следует подпрыгнуть, то она взлетит. По всему телу разлилась поразительная лёгкость. В венах бурлила требующая выхода энергия, сила распирала девушку, она была готова свернуть горы. Бежать. Только бежать. Неизвестно, сколько пробудет с ней эта невероятная мощь. Не время удивляться и предаваться раздумьям. Как и не время причитать и сомневаться. Потом, всё потом. И слёзы, и мысли, и прочая. Главное – выбраться из больницы. Но сначала...

Она подошла к распластанному на полу Стефану. Он уже пришёл в себя и с кряхтением пытался подняться. Элен поставила босую ступню ему на грудь и надавила. Ей показалось, что слегка. Юноша же охнул и безвольно откинулся на спину.

– Ч-чёртова с-сука... – прохрипел он. – Ты пожалеешь... Доктор Аткинс...

– Да-да-да, твой разлюбезный доктор Аткинс, – нехорошо улыбнулась Элен, сверху вниз глядя на него. – Давай, беги к своему лучшему другу, поплачься ему в жилетку. Может, он ещё какие тебе капли выпишет. И ещё одно – не смей больше никогда оскорблять меня.

Повинуясь внезапному порыву, Элен наклонилась, схватила не успевшего и пискнуть Гиллроя за грудки, играючи вздёрнула в воздух, подняла на целый фут и швырнула его как котёнка через всю комнату. Стефан пролетел несколько ярдов и грохнулся на письменный стол, разнеся его в щепы. Он упал на пол, в горячке попытался подняться, но его руки подломились, и он без сил рухнул ничком, уткнувшись окровавленным лицом в деревянные обломки.

– Мебель – дешёвка. Как и ты, мразь, – процедила Элен, погасив в себе резкий порыв подойти к потерявшему сознание подонку и ещё раз как следует приложить его. К дьяволу. Ей нужно уходить. Не ровен час, на звуки борьбы прибежит кто-нибудь из персонала лечебницы. И тогда будет намного сложнее уйти.

Она слабо представляла себе направление, по которому следует бежать, но не сомневалась, что выберется. Она просто должна. Выбора то у неё нет. В больнице она не останется.

Не обращая внимания на босые ноги и то, что бежать она собралась, по сути, почти что в чём мать родила, Элен решительно направилась к двери. Тут же остановилась и мрачно уставилась на длинный, достигающий лодыжек подол рубашки. Нет. В прошлый раз она бежала недостаточно быстро. Девушка наклонилась и одним движением по кругу оторвала от подола рубашки солидный кусок, существенно укоротив её. Увидев свои голые коленки, Элен усмехнулась. Ва-

ляющийся в беспамятстве Гиллрой наверняка бы оценил её внешний вид...

Схватившись за ручку, Элен дёрнула. Странно. Дверь была заперта. И, похоже, снаружи. Она не припоминала, чтобы вошедший в комнату Стефан возился с замком. Значит... Значит, снаружи кто-то стоит и ждёт, когда наигравшийся с нею Стефан даст о себе знать. А внутрь не ворвались только потому, что были гарантированно уверены, что весь поднятый шум относится к затеянным гостем лечебницы забавам с беспомощной пациенткой. Ну что ж, Элен решила быть хитрой. Сила не всегда ломает стены. Она просто постучала.

За дверью послышался неясный шорох и звяканье металла. Скрип проворачиваемого в замке ключа. Вид медленно открывающейся двери. Элен от нетерпения пританцовывала и едва сдерживалась, чтобы не ударить в дверь плечом. Достаточно! Не дожидавшись, пока дверь полностью откроется, она юрким ужом проскользнула в образовавшуюся щель и очутилась в каменном туннеле тускло освещённого коридора. Прямо напротив в огромном изумлении вылупившегося на неё санитаря, похожего на переодетого в больничную форму портового грузчика.

– Эй, ты это чего? – его удивлению не было предела. Уж кого-кого, а её он ну никак не ожидал увидеть. Верзила заглянул через голову невысокой девушки в кабинет, настежь распахивая дверь. Ему хватило секунды, чтобы увидеть и оценить произошедшее. – Твою же мать!!!

Резко отпрянув в сторону, санитар схватился за просунутую за ремень короткую дубинку. Переминающаяся с ноги на ногу девушка уже пожалела, что не стянула со Стефана туфли, каменный пол был просто ледяным. Но сейчас на неё надвигалась куда как более серьёзная проблема. Однако санитар совершил ошибку. Он не стал бить тревогу, справедливо рассудив, что справится с хрупкой на вид молоденькой девушкой и сам. И конечно бугай совершенно не ожидал того, что произошло. Элен в последний момент перехватила его взявшуюся за дубинку руку. Пальцы девушки сжались на волосатом запястье, и в коридоре послышался отчётливый хруст костей. Санитар только охнул, враз посерев в тон своей робе.

Оскалив зубы, Элен изо всех сил ударила его сжатым кулачком в челюсть. Девушка сама не понимала, что движется с невероятной для глаз обычного человека скоростью. Для верзилы в воздухе лишь промелькнуло что-то смазанное, подобное растянутому хвосту кометы. В следующий миг на него мясистую физиономию обрушился паровой молот. С разбитым в кровь носом он взлетел в воздух и снулой кучей тяжело рухнул на каменные плиты. Элен неверяще уставилась на свой кулачок. Стряхнула с пальцев кровь и тут её взгляд упал на ноги вырубленного санитара. Девушка, немедля, бросилась к нему. И принялась торопливо расшнуровывать его ботинки. Удивительно, но у здорового мужика оказалась на редкость маленькие ступни, самую малость

больше, чем у неё.

Ботинки санитара пришлись ей почти в пору. Только бы теперь не натереть ноги. Стягивать с него вонючие носки Элен побрезговала. Так, теперь куда? Она посмотрела вдоль коридора. Вперёд, только вперёд. Почему-то ей показалось, что она находится в подвальном этаже. Она до сих пор не увидела ни одного окна. А от каменных коридорных стен, не говоря уже о поле, ощутимо тянуло холодом и сыростью. Ей надо выбираться наверх. И ниодна дверь не удержит её.

Девушка побежала. Она летела, как выпущенная из лука стрела. Чёрт возьми, она неслась как чемпион по бегу! Не сдержавшись, Элен заливисто захохотала. Она упивалась новоприобретёнными возможностями. Это было чем-то потрясающим. Она пробежала уже несколько десятков футов, когда своды коридора огласил истошный вой сирены. Элен чуть не споткнулась, ну тут же взяла себя в руки. К дьяволу! Она же не думала всерьёз, что её так никто и не хватится?

Наверняка кто-то вошёл в комнату и обнаружил Стефана, да и валящегося в коридоре санитара было тяжело не заметить.

Девушка повернула за угол, дивясь тому, что всё ещё никого не встретила. Вечер, озарило её! Скорее всего, сейчас поздний вечер или ночь. Поэтому больница опустела. Тем более, если учесть, что это место не для всяких глаз и абы кого сюда не пускают.

Ну уж нет, она не станет испуганно жаться к стене дрожа-

щей мышкой и в страхе закрывать глаза. Она не будет дожидаться, когда за ней придут. Аткинс быстро сообразит, что к чему, и на её поимку будут отряжены особые силы. Ей остаётся надеяться на то, что у неё всё ещё есть время. Что, воспользовавшись суматохой, она сможет ускользнуть. Наверняка сейчас в больнице намного меньше людей из obsługi, нежели в дневное время. Возможно Аткинсу и некого будет особо отправлять на охоту за ней! Не может быть у него на привязи целой сотни отборных головорезов, выраженных в роботы санитаров. А если даже и есть, то и у них должно быть время на отдых, которое они проводят за пределами больничных стен.

Мысли стремительно проносились в её голове, едва поспевая за быстрым бегом. Сирена, не умолкая, продолжала надрываться. Резкие, режущие ухо металлические звуки разносились по всему коридору. Не иначе как уже вся больница поставлена на голову. И времени остаётся всё меньше. Элен порадовалось тому, что обула ботинки нокаутированного мордоворота. Босиком бежать было гораздо хуже. Да, она стала намного сильнее, быстрее и выносливей, но отнюдь не превратилась в непробиваемому бесчувственную мраморную статую. Хотя кто знает, как дело дальше пойдёт...

Девушка добежала до очередной перекрывающей коридор решётки с замкнутой на висячий замок дверцей. О нет! Она остановилась, в отчаянии глядя на толстые железные

прутья. Что, поворачивать назад? Туда, где её уже ждут с ловчими сетями и дубинками? Ни за что. Элен решительно взялась за прутья и, гортанно вскрикнув, из всех сил потянула их в разные стороны. Её ладони обожгло жарким огнём. С протестующим стоном толстые железные стержни выгнулись, будто на время превратившись в гибкие здоровенные макароны. Девушка остолбенела, поражённо уставившись на результаты своих усилий. Невероятно... В образовавшуюся прореху теперь легко пролезет даже её большая задница! Дальше! Бегом! Изумляться она будет потом.

Элен ловко пролезла между изувеченными её тонкими руками прутьями и побежала дальше. Чуть позже пришла мысль, а почему она не попыталась просто сломать замок? Невольно усмехнувшись, Элен повернула по коридору направо и увидела ступеньки поднимающейся наверх лестницы. Лестница вела в тёмный проём. Свет тускло горевших лампочек обрывался за этим поворотом. Но почему-то девушка ни капли не сомневалась, что ступеньки выведут её на свободу. Возможно она упрётся в ещё одну преграду, дверь, например, но... Элен агрессивно сжала кулаки. Её ничто не остановит. Если понадобится, она шею сломает, но выберется отсюда. Обратного на операционный стол она не вернётся только мёртвой.

Глава 6

Бомбы всё же взорвались. К вечеру Столица погрузилась в хаос. Четыре мощных взрыва практически одновременно прогремели в отдалённых друг от друга на порядочном расстоянии районах. Невидимка заложил взрывчатку в совершенно неприметных на первых взгляд местах. Силовые службы сбивались с ног, пытаясь отыскать бомбы в рыночных павильонах, в корпоративных зданиях, в чиновничьих палатах... На деле всё оказалось намного проще и прозаичней.

Террорист выбрал четыре городских района, расположенных крест-накрест и как бы заключающих город в своеобразную рамку. Район Пирсов, Промышленный район, Парковая зона и Восточный квартал. На воздух взлетели рабочий дом в Пирсах, производящая запчасти для паромашин фабрика в Промышленном районе. В Парковой зоне мощным взрывом было уничтожено несколько акров насаждений. Распространению пожара помешала исключительно сырая и дождливая погода. Зато на востоке после взрыва лесопилки огонь взметнулся чуть ли не до небес и быстро перекинулся на соседние строения.

Все эти немудрённые сведения Джентри получил по телефону. Звонил Вустер и, холодным тоном рассказав о произошедшем, посоветовал Джентри не гнать лошадей, а действо-

вать на трезвую голову. Как догадался старший инспектор, таким образом капитан Двора намекал, что не отказался бы сейчас от любой помощи, несмотря на обещание предоставить несколько отгулов. Ага, как же, отдохнёшь тут. Конечно после этих известий Джейсон не мог спокойно продолжать пить вечерний чай, как бы ему не хотелось после завалиться в постель.

Невидимка не блефовал. Четыре бомбы сделали своё страшное дело, нанеся множественные разрушения. Количество погибших пока не было точно известно. На места взрывов спешили пожарные бригады и кареты скорой помощи, а также все свободные полисмены. Джентри не надеялся, что обошлось малой кровью. И если допустить, что лесопилка была пуста, не считая ночных сторожей, а погода не располагала для вечерних прогулок в парке, то с фабрикой и рабочим домом дела обстояли иначе. Фабрика работала в три смены, а в рабочем доме постоянно обитало множество людей. Теперь уже наверняка погибших. И кого винить в случившемся? Невидимку, самого отдавшего богу душу за несколько часов до этого? У Джентри было своё мнение на этот счёт. Которое он, естественно, вслух не спешил озвучивать. С него хватит полученного заранее разноса от начальства. Да, всю вину опять взвалит на террориста. Очень удобно – он же мёртв! И отчасти заслуженно. Но не сбей власти захваченный им дирижабль, всё было бы совсем по-другому. И все эти люди, включая пассажиров «Королевы Виктории»,

остались бы живы. Невидимка сдержал бы своё слово, договорись с ним Джентри. Чёрт возьми, у него был шанс. Который испарился вместе с вспыхнувшим в оболочке дирижабля водородом.

Всеми наболевшими измышлениями Джентри делился с неотрывно внимавшим Крейгом уже в салоне мчавшегося в район пирсов служебного паромобиля, за рулём которого находился бессменный Бёрк. Надо сказать, что услышанное повергло учёного в величайший ступор. Он сидел напрочь убитый жёсткими словами старшего инспектора, и вид у него был самый подавленный. Джентри ничего не утаил от своего подопечного. Ему было необходимо выговориться. И лучшего слушателя, чем Крейг, было не сыскать. Острый ум учёного был способен осмыслить всё услышанное и принять на веру. Джейсону было жизненно важно, чтобы ему кто-то поверил, а не высмеял его догадки и предположения. И Гордон оказался именно тем человеком. Он умел слушать и умел анализировать. И конечно, он уже сам влип во всё это дело по самые уши.

Джентри неспроста выбрал район Пирсов. Он отлично знал это место. Неподалёку от взорвавшегося рабочего дома жил Морган Флеминг. И наверняка близорукий полицейский уже находится на месте преступления. И опять-таки Джентри даже думать не хотел, что, возможно, его приятель сам мог пострадать в результате взрыва. Дом Флеминга вполне мог попасть в так называемую зону риска, возник-

ни в квартале пожар. Им всем надо благодарить промозглую ноябрьскую погоду и последние обильные дожди, да извечный туман. Происходи дело лето и последствия взрывов были бы куда ужасней. Хотя им и того, что уже случилось, хватит... За последние несколько дней Столица сполна хлебнула горя. Это и впрямь был хаос. Город погрузился в пучину беспредела, захлёбываясь волнами разгулявшейся преступности и задыхаясь под гнётом сотен смертей безвинных людей. Сильные мира сего вне всяких сомнений выступят с очередными заявлениями, в которых будут высказаны гневные обличительные речи. Министр в очередной раз призовет народ сплотиться перед лицом угрозы не знающей жалости преступности, заявит о том, что делается всё возможное и невозможное, дабы в дальнейшем пресечь подобные, недопустимые в современном мире вещи. Чиновники и политики будут лить крокодильи слёзы и с самыми решительными лицами говорить о своей готовности бороться со всеми бедами. Погибших оплачут, выжившим раздадут подачки. Газеты на всех страницах красочно распишут о произошедших событиях, недвусмысленно указывая на виновника произошедших трагедий. Империял-Ярд примет часть вины на себя... Отвлечение внимания. Это произойдёт опять и снова. Джейсон в которой раз поймал себя на том, что начинает думать, как Невидимка. Многие вещи, о которых говорил террорист, на поверку оказывались не такими уж и безумными. Они воплощались в жизнь в виде угрожающей чудовищной

реальности.

Стал бы террорист номер один взрывать все эти объекты, останься он в живых? Фабрика, работный дом... Он без устали называл себя патриотом, человеком, радеющим во благо народа. Стал бы он по своей воле убивать этот народ, дойти дело до критической точки? Раскрыл бы он места, где заложил взрывчатку? Джейсон ни капли не сомневался, что Невидимка не блефовал. Он был готов идти до конца. Но всё же – где бы он остановился? У какой черты? К сожалению, теперь он об этом так и не узнает. Руками правительства Невидимка был устранён. И все последствия его гибели теперь ложатся на их плечи. Кровь всех погибших пятнает их руки.

Старший инспектор не был набожным человеком. Он не ходил в церкви, скептически относился к проповедям. Верил в бога, но предпочитал жить своим умом. Гораздо больше он верил в закон и справедливость. И эта вера рушилась у него на глазах. Он никогда не задумывался о том, чтобы бросить всё и уволиться, уйти со службы. Что он будет делать? Кроме как ловить преступников, он не умеет ничего. И он служил обществу, он защищал простых людей. Теперь выяснилось, что на самом деле он, находясь на службе закона, прикрываясь значком Двора, не в состоянии никого защитить. Закон связал ему руки. Закрыв глаза, подsunул иллюзию правды, заставил молчать. Так стоит ли продолжать служить такому закону и дальше?

Служебный полицейский паромобиль мчался по опустевшим с наступлением ночи улицам города. Проезжая часть была практически свободна. Редкие экипажи и припозднившиеся моторизированные транспорты изредка встречались на их пути. Район Пирсов был не тем местом, где проживало много состоятельных граждан, способных позволить себя таксомоторы или личные паромобили. Да и кэбами тут не злоупотребляли. Основная масса народу передвигалась пешком, отчего в светлое время суток здешние улицы всегда казались живым бурлящим муравейником. Но в эту ночь даже тут, на обычно заполненных людьми тротуарах воцарились пустота и безмолвие.

Через один горевшие уличные фонари, обшарпанные здания, многоквартирные дома, торопливо снующие по улицам редкие прохожие, атмосфера цепко впившегося в загривок города страха, пожирающий улицы белесый вездесущий туман. Зарево разгорающегося на западе, пожара. Алые всполохи, мерцая, окрашивали опустившиеся на Пирсы сумерки в багряные тона. Джентри знал, что к месту взрыва помимо них спешат многие люди. Наверняка вокруг горевшего рабочего дома уже разворачиваются пожарные расчёты, а медики и спасатели пытаются сделать всё возможное. Знал и чувствовал себя абсолютно беспомощным. Зачем они мчатся туда? Поприсутствовать? Сделать очередное заявление вездесущим репортёрам? Старший инспектор был готов побиться об заклад, что представители столичных газет уже во-

всю шныряют вокруг пожарища. Для чего Вустер попросил его о помощи? Пирсы в данный момент ничем не отличаются от оставшихся трёх мест, где сработала взрывчатка. Разве что количеством жертв. И везде, везде они с Крейгом будут бесполезны.

Что им делать? Рыть носом землю, с умным видом создавая видимость расследования? Ха, это даже не смешно. Всем и так понятно, что случилось и чьих это рук дело. Погибших не вернуть. А спросить уже не с кого. Прощальный подарок страшного Невидимки... Джентри угрюмо поджал губы. Сидевший рядом Крейг заметил в полумраке салона не сбавляющего скорость паромобиля гримасу Джейсона. В темноте блеснул монокльчюёного, поймав отсвет промелькнувшего за окном газового фонаря.

– Не волнуйтесь, сэр. Мне кажется, что с вашей коллегой всё будет в порядке. Вряд ли пожар успел распространиться далеко. Да и от грохота взрыва многие местные жители должны были повыпрыгивать наружу. Сомнительно, чтобы кто-то был застигнут врасплох, кроме обитателей самого рабочего дома, конечно...

– Флеминг тёртый калач, – покачал головой Джентри. – Он будет одним из первых, кто встретит нас. Я подумал о том, что мы едем пожинать плоды чьего-то непонятного нам заговора. Я не могу по-другому говорить об этом... Потому что в моей голове не укладываются многие вещи. Сколько может стоить жизнь человека, мистер Крейг? Во сколько

оценивают власти жизни тех, кого обязаны защищать? Все эти смерти – это плата за иллюзию защиты и безопасности?

– Не нам тягаться с теми, кто заварил всю эту кашу. Уж простите, сэр, но тут у нас обеих руки коротки. В данном случае бессильны и ваши револьверы, и все связи в полиции. Впрочем, как и моё положение в ОСУ и весь мой блестящий ум!

– Вы чертовски скромно умеете себя нахваливать, – проворчал Джентри. – Вся наша жизнь похожа на ваше изобретение. На иллюзиограф. Только мне кажется, что плёнка заела на одном месте. словно нам показывают самую страшную картинку, и мы никак не можем выбраться из этого кошмара. Будто попали в дурной сон и не можем проснуться...

Джейсон умолк и потёр подбородок. Крейг одним вздохом дал понять, что не совсем разделяет последние умозаключения собеседника. Он веско сказал:

– Вы не правы, мистер Джентри. Чувствуете себя ненужным и бесполезным? Недавно я в полной мере познал это, да. Признаться, мне не каждый день заявляют, что я не стою и ломаного гроша как учёный. Не прямым текстом, но аллюзия есть аллюзия. Но будь я проклят, если соглашусь с мнением зажавшихся слабоумных недоносков! Да плевать. Я продолжу заниматься тем, что умею лучше всего. Чего советую и вам. Не пытайтесь бодаться с системой. Но и не прогибайтесь под неё. Живите, как жили раньше, Джентри! Чёрт возьми, вы не малый ребёнок, что бы мне доказывать вам

прописные истины. Служите народу, защищайте закон. Вот и выход!

– В нашей стране закон защищает только избранных, – резко сказал Джентри.

– Ооо... Это вас когда осенило? Сколько вы лет в полиции? Только сейчас поняли эту штуку?

Старший инспектор заскрипел зубами. Чёртов Крейг...

– Мне кажется, что мы почти приехали, – сказал, как ни в чём не бывало, Гордон, выглядывая в окошко. – Пирсы во всей красе. Признаться, мне ещё не приходилось тут бывать и со здешней публикой я знаком лишь понаслышке.

Джентри не пришлось высовываться в окно. Разгорающееся марево пожара проникло в кабину паромобиля, разбавляя полумрак неверным бликующим светом. Да, они почти у цели. Ещё немного и увидят остатки подорванного рабочего дома. Сразу за районом Пирсов начиналась Западная набережная, омываемая волнами угрюмой, по-осеннему неприветливой Магны. Джейсон знал, что на этих улицах постоянно стоит запах реки – густой, насыщенный, пахнущий рыбой, водорослями, машинным маслом, нечистотами и что там ещё сливали в воду? Западная набережная служила пристанищем для прибывающих в Столицу грузовых кораблей и заполненных всякой всячиной барж. Сюда же выходили стоки очистных сооружений. Тут же располагались пакгаузы и склады. Настоящая вольница для криминальных элементов. Джентри наклонился вперёд, отодвинул щиток, отделяющий

пассажирский салон от водительского места и окликнул Бёрка:

– Бёрк, поворачивай к дому Флеминга.

Машина сбавила ход и в проёме возникла усатая физиономия полицейского, с надвинутой на самые уши кожаной водительской фуражкой.

– К инспектору Флемингу? Я думал, мы едем на место взрыва.

– Думаю, что там и без нас прекрасно справятся, – сказал Джентри, запахивая полы плаща. – Мы едем к Моргану.

– Как скажете, сэр, – Бёрк послушно крутанул баранку, разворачивая машину вдоль улицы. Зарево беснующегося пожара бессильно разбилось о заднее узенькое окошко паромобиля.

Крейг с интересом посмотрел на Джентри. Возвращать обратно щиток инспектор не стал, стало быть, с секретными разговорами покончено и изнывающий от любопытства Бёрк теперь мог греть уши сколько угодно.

– Не хотите посмотреть, что же там произошло?

– Я отлично знаю, что там произошло! – не сдержавшись, рывкнул Джейсон и тут же успокаивающе кашлянул, яростно заскрипев обивкой сиденья. – Я знаю, что мы там увидим, Крейг. И поверьте, лишний раз на это смотреть у меня нет ни малейшего желания. Мы едем к Флемингу. И тем самым убьём двух зайцев – узнаем самую достоверную информацию из первых рук и выпьем чего-нибудь согревающего.

– Если только ваш коллега не находится сейчас возле места преступления, – резонно выразил Гордон.

– Мы подождём его дома, пока Бёрк съездит за ним, – сказал Джейсон. У него прямо руки зачесались дать учёному подзатыльник. Ну угадал, угадал это пронырливый хитрец, что он просто НЕ ХОЧЕТ туда ехать. Что на сегодня с него достаточно смертей... Джентри понуро опустил голову. Все-му есть предел! Свой лимит он на сегодня исчерпал. Хватит.

У Крейга хватило ума и такта сменить тему разговора:

– К Флемингу, так к Флемингу, – преувеличенно весело сказал он. Подтолкнул полицейского локтем и добавил:

– Я бы тоже не отказался от стаканчика бренди. На улице на редкость дерьмовая погода.

– И на душе тоже, – хмыкнув, сказал Джейсон.

Морган Флеминг жил на ближайшей улице, буквально в нескольких сотнях футов от взорвавшегося рабочего дома. Опасения Джентри были абсолютно напрасны. Огонь бы смог перекинуться на соседние здания и пойти гулять по улицам только в случае сильнейшего ветра и сухой жаркой погоды. Тоскливым промозглым ноябрьским вечером это было совершенно невозможно. Сырость и туман, поразившие все местные постройки, препятствовали распространению огня. А ещё не высохшие после дождя лужи покрывали тротуары и мостовые. К тому же на Уорнинг-стрит, где обитал Флеминг, дома были хоть и старые, но довольно прочной и добротной постройки, из камня, крытые черепицей или

железом.

Дом помощника Джентри стоял особняком на углу улицы, в окружении сбросивших листву деревьев. Фасад дома выходил на тротуар, а небольшой внутренний дворик был огорожен невысокой деревянной изгородью. Скрывающиеся в полумраке соседние домишки не слишком отличались от жилища Моргана. В любом случае эта улица еще носила на себе следы внешней респектабельности. Тротуары иногда подметали дворники, а городская газовая служба когда-нибудь производила ревизию уличных фонарей. Полицейские в район Пирсов не любили заглядывать. Флеминг же здесь жил. За что, как доподлинно было известно Джентри, был уважаем некоторыми соседями, которым лучше спалось по ночам, зная, что неподалёку находится берлога одного из сотрудников Имperiал-Ярда.

Оставив Бёрка дремать в кабине паромобиля, Джентри с Крейгом подошли к жилищу Флеминга. Джейсон толкнул разохшуюся калитку и первым вошёл во внутренний дворик. Крейг неотрывной тенью следовал за ним, с любопытством оглядываясь. Хотя, в общем-то, смотреть особо было не на что. Типичное подворье работяги среднего звена. Никаких изысков, ни мощённых гранитом подъездных дорог, ни роскошных клумб, ни фонтанчиков. Растрескавшаяся дорожка, затёртые ногами деревянные ступени, угрюмо нависающий над крыльцом карниз. Вот дом... Дом, хоть и старый, производил достойное впечатление. Стены из тёсаного,

покрытого мхом камня, двойные рамы глубоко утопленных окон, на вид очень надёжные и крепкие двери. Дом Флеминга был одноэтажным, но с очень высоким и просторным чердаком, глядевшим на улицу круглым, вставленным в каменный фронтон окошком. По коньку крытой листовым гофрированным железом крыши бежал вычурный хребет молниеотвода. В потемневшее небо уставилась сложенная из камня труба. Из неё вился лёгкий, тут же смешивающийся с оседающим туманом дымок.

– М-да, скажем так, не особнячок миссис Монро, – задумчиво протянул Крейг, поднимаясь за Джентри по постанывающим под двойным весом ступенькам крыльца.

– Зато свой, – пожав плечами, сказал Джентри, дёргая за свисающий шнур звонка. – Флеминг купил этот дом несколько лет назад. Ещё когда служил на флоте. Тогда он мог себе позволить собственное жильё. Убеждённый холостяк, он привык копить денежки, а не транжирить их.

– Бывший моряк? Теперь понятно, почему его так тянет к воде! Хотя здесь на удивление относительно чистый воздух. Учитывая близость пристани.

– Сейчас тихо. Ветер успокоился, – сказал Джейсон. – Бывает, когда дует с запада, то местные жители наслаждаются потрясающими ароматами рыбы и болота.

Крейг притопнул ботинком по струганным доскам, устилающим пол крылечка. Что-то никто не торопился выходить встречать их. Наверно помощник Джентри и в самом деле

находится у руин рабочего дома. Учёный принялся. Вместо запаха реки его ноздрей касалась отдалённая резкая вонь пожарища. У него враз испортилось настроение. Оглянувшись на скрывающийся в ночи паромобиль, Крейг буркнул:

– По-моему, нам пора возвращаться. Или же отправлять Бёрка за вашим коллегой. Вы, кажется, говорили, что если что, мы подождём у него дома? На улице становится дьявольски холодно с каждой минутой, а у меня, если я вам ещё не говорил, очень слабое здоровье. Подхватить насморк мне проще простого.

Учёный достал из кармана застёгнутого на все пуговицы пальто платочек, и демонстративно зашмыгал носом. Джентри смерил его рассеянным взглядом. Похоже, учёный опять прав... Странно. Отчего-то у Джейсона поселилась внутри железная уверенность, что они застанут Моргана дома. Почему, он и сам понять не мог. Но зато понимал, что в последние недели его интуиция выдаёт прямо-таки блестящие результаты по части прогнозирования грядущих событий. Нет, Флеминг дома.

И, будто подтверждая непоколебимую уверенность Джейсона, в расположенных по разные стороны двери окнах зажёгся свет. Джентри триумфально посмотрел на Крейга.

– Не удивлюсь, если Морган задремал у огня в любимом кресле за книгой или же просто от усталости лёг спать раньше времени. И просто не слышал взрыва. Пока я нянчусь с вами, на него взвалилась вся моя работа.

– Видать, вы на редкость плохо её выполняли, раз у вас её столько накопилось, – нагло ухмыльнулся Крейг, возвращая шпильку инспектору.

Джентри сделал вид, что плохо расслышал его и отвернулся. За дверь уже приглушенно лязгали засовы и проворачивался в замочной скважине ключ. О безопасности своего жилища Морган заботился на совесть.

Дверь распахнулась, явив гостям вставшего на пороге Моргана Флеминга. Выглядел он просто ужасно. Джентри вынужден был признать, что ещё никогда не имел сомнительную честь наблюдать своего помощника в подобном состоянии. А именно – в домашнем халате и до того помятого, что напоминал опухшего от недельного запоя алкаша. Слова приветствия застряли у старшего инспектора в горле, когда он подал Флемингу руку. Крейг, увидев хозяина дома, что-то неразборчиво буркнул из-за спины, что вполне можно было расценить как пожелание здоровья.

– Выглядишь ты, мягко сказать, не очень, – вынес, наконец, вердикт Джентри, пристально рассматривая Моргана. – Теперь я понимаю, почему нам повезло застать тебя дома. Понимаю, что в таком состоянии ты вряд ли готов к гостям, но раз уж мы пришли...

– Какие на редкость удивительное сострадание и чувство такта, – едва слышно пробормотал под нос Крейг.

Флеминг беспомощно улыбнулся и хриплым простуженным голосом сказал:

– Гостям я всегда рад, Джейсон. Они у меня слишком редко бывают. А ты так вообще бог знает сколько уже не заходил. Прошу!

Он посторонился, пропуская припозднившихся посетителей внутрь. Когда они вошли в прихожую и сняли шляпы, Флеминг тут же загремел засовами. Крейг выразительно посмотрел на Джентри, едва удержавшись от каверзного вопроса. Джентри в ответ сделал страшные глаза, безмолвно веля учёному молчать и не вздумать попусту вступать в разговор полицейских.

Флеминг действительно выглядел неважно. Высокий и худощавый, он казался согнутым и нескладным. Набрякшие мешки под потускневшими глазами, выступившая на затылке коротко стриженной головы испарина, посеревшее лицо, едва узнаваемый голос. В доме витал запах лекарств и бренди. Из гостиной доносилось потрескивание камина. Голубые глаза Моргана, теперь напоминающие цветом грязную, размазанную по бумаге краску, болезненно щурились за стёклами очков. На помощнике Джентри красовался тёплый толстый халат, стянутый в талии поясом, на ногах – тапочки.

– Денёк сегодня выдался просто убийственный. Сам понимаешь, все эти дела... Да ещё погода... Немудрено, что меня окончательно скрутило, – пожаловался Морган, провожая гостей в следующую комнату. Он кивком головы указал на свободные кресла, расставленные подле камина. – Приса-

живайтесь. Бренди наливайте себе сами. Честно, для меня совершить лишнее движение уже подвиг. Угощайтесь, если не боитесь заразиться, конечно.

Крейг покосился на низкий столик, на поверхности которого стояла початая бутылка с янтарным напитком и до половины наполненный стакан. Морган взял с каминной полки ещё два и поставил рядом со своим. Джентри, не чинясь, плюхнулся в кресло и потянулся к бутылке. Бренди, булькающая, потекло в стаканы. В самом деле, какого чёрта, подумал Гордон. Почему бы и ему не выпить? Погода собачья, нервы расшатаны... Ради профилактики несколько капель крепкого спиртного совсем не помешает. Да и что уж теперь может произойти? Охота на его скромную персону окончена. К дьяволу всё!

Последовав примеру Джентри, Крейг уселся в кресло и взялся за стакан. Пригубил, одобрительно причмокнул. Флеминг знал толк в алкоголе. От пышущего камина шло приятное согревающее тепло, выгоняющее из тела уличную сырость и холод.

Потушив настенный газовый рожок, Флеминг уселся в своё кресло и извиняющимся тоном сказал:

– Глаза просто режет. Приходится обходиться светом от камина. Не иначе как последствия болезни...

Джентри сделал добрый глоток, оставил стакан и с видимым удовольствием протянул руки к огню:

– Обещаю через пару дней вернуться в отдел и заняться

своими прямыми обязанностями. Протяни ещё немного.

– Больше никаких твоих новомодных шпионских выкрутасов и повышенной секретности? Ребята сгорают от любопытства, чем же таким важным и тайным наградил тебя Вустер, что ты целыми днями пропадаешь незнамо где, а потом влипаешь в самую гущу крайне неприятных событий. И едва не становишься героем первой полосы всех газет!

Болезненно поморщившись, Флеминг отпил бренди. Джейсон усмехнулся, глядя, как пляшущие язычки жаркого пламени глодают берёзовые чурки.

– Одна из причин моего отсутствия сидит сейчас рядом с нами, Морган. Но поверь, я действительно не вправе распоряжаться вверенными мне секретами. Попрыгун... Подвижки есть?

– Чувство юмора осталось у тебя такое же, – закашлялся Флеминг. – То есть на редкость никудышное. Мы всё ещё топчемся на месте. Сбиваемся с ног, идём по старым следам, вынуждены отвлекаться на остальные дела – помимо Джека в городе хватает преступников. Включая залётных, хм... Мне нечем похвастаться. Ты возьмёшься за дело там же, где и бросил его. Увы.

Джентри понимающе кивнул и потянулся за стаканом. По его телу раскатывалась приятная истома, уставшие мускулы уговаривали поудобнее устроиться в кресле и расслабиться. Хотелось накачаться бренди и уснуть прямо здесь, в уютном сумраке тёплой комнаты, напротив жаркого пламени. Но он

всё ещё не мог себе позволить подобной роскоши.

Они разговаривают ни о чём, внезапно понял Крейг, отпивая из стакана и переводя взгляд с одного полицейского на другого. Разговаривают о службе, о незавершённых расследованиях, обмениваются привычными шуточками. Но ни один из них так и не подошёл к устроенному Невидимкой взрыву.

– Я думал, что, вероятно, ты будешь там, – пространно сказал Джентри.

Флеминг прекрасно понял недосказанность его слов:

– Джейсон, я вижу, как ты устал... И ты здесь. Вместо того чтобы быть дома и лежать в постели. Тебя поднял Вустер? Иногда он слишком много от тебя требует. И... Я не был там. Чёрт возьми, я даже не слышал взрыва. Я задремал прямо здесь, у огня, и меня разбудил только вой сирен. А потом по пневмопочте пришла срочная депеша от Вустера. Старик на грани паники. Никто не может дать гарантий, что это последние взрывы. Мне кажется, что ты должен лучше меня разбираться в творящемся в городе дерьме, связанным с Невидимкой. Я прав?

Отсалютовав Флемингу бокалом, Джентри кивнул:

– На сто процентов. Это последние взрывы. Ты правильно сделал, что остался дома. Мы из отдела по расследованию убийств. Терактами пусть занимаются другие службы. ВВР, например.

Крейг с укоризной взглянул на Джентри. Слова старше-

го инспектора можно было истолковать двояко. Создавалось впечатление, что он пеняет своему помощнику за то, что тот не отправился на место преступления. Но делает это как бы между прочим, ненавязчиво, вроде бы и соглашаясь с приведёнными им в оправдание доводами. Кажется, эта мысль пришла и в лысеющую голову Флеминга. Он обиженно сказал:

– Джейсон, убийство есть убийство, неважно, кто его совершил и как погибли все эти люди. По долгу службы я обязан был со всех ног бежать туда. Но я этого не сделал... Ты вправе судить меня. Но и ты не особо спешишь лицезреть последствия взрыва.

– Да уж посмотрелся за сегодня на сто лет вперёд... – извиняющимся тоном сказал Джентри, подливая себе бренди. – Прости, Морган. Настроение ни к чёрту. Срываюсь уже на своих. Нервы совсем никакие стали.

Глава 7

Флеминг привстал и похлопал его по плечу. Молча опустился в кресло и поднёс бокал к обветренным губам. Крейгу показалось, что с каждой минутой состояние полицейского ухудшается. В зареве каминного пламени его лицо блестело от пота, а глаза казались запавшими чёрными провалами. Внезапно учёный очень сильно пожалел, что позволил Джентри уломать себя на эту поездку. Как бы и впрямь не подцепить от расхворавшегося фараона какую-нибудь особо опасную и заразную болячку. Крейг торопливо присосался к стакану. Спиртовая дезинфекция в данном случае уж точно будет совсем не лишней.

На некоторое время маленькая уютная гостиная превратилась в островок полного покоя и тишины. Треск сгораемых дров, мечущиеся по лицам сидящих огненные блики, прыгающие по комнате тени, звон горлышка бутылки о края стаканов. Бренди уменьшалось с ошеломляющей скоростью. Все трое молчали. Лишь Флеминг иногда хрипло покашливал и протирал осунувшееся лицо платком. Крейгу было неведомо, о чём думал помощник Джейсона. Он же подумал об оставшемся в служебной машине Бёрке. Неудобно как-то получается... Они в тепле накачиваются спиртным, а водитель прозябает на жёстком сиденье в пропахшем маслом и топливом паромобиле. Но кто их поймёт, этих поли-

цейских, с их жёстким разделением по табелям о рангах. В данном случае главным, как ни крути, был Джентри. Чем в данный момент были заняты мысли старшего инспектора, Крейг также не знал. Но, судя по крайне задумчивому лицу, мыслил тот, по меньшей мере, о спасении всего мира. Учёный усмехнулся, отпивая глоток приятно обжигающего нутро бренди. Кажется, он уж начал хмелеть. Да и пусть. Напиваться до потери сознания он не собирался, а погреть кишки сам бог велел.

– Когда я был у тебя в последний раз? – спросил Джентри, вытягивая ноги к жаркому зеву камина. Плащ старший инспектор давно расстегнул и ослабил ворот сорочки. Ему было тепло. Но отнюдь не покойно.

– Прошлой зимой, обмывали повышение Робертсона. После паба мы втроём, как самые стойкие, закатились ко мне и продолжили, – улыбнулся одними губами Флеминг. – Славные были денёчки. И в городе тогда было спокойнее.

– Да, я помню, как мы сидели здесь, и этот камин горел точно так же. Мы неслабо нагрузились тогда.

– А то! – Морган попытался засмеяться, но из горла вырвался надсадный кашель. Ругнувшись, Флеминг приложил к губам платочек. – Проклятье, совсем никуда не гоюсь.

– Мистер Джентри говорил, что до прихода в полицию вы служили на флоте, – сказал Крейг, чтобы поддержать неторопливый разговор. Учёный увидел на каминной полке подставку с зачехлённым военно-морским кортиком. Рядом ле-

жала фуражка морского офицера, поблёскивая в сумраке кокардой, стилизованной под окутанный цепями двузубый якорь.

Проследив за заинтересованным взглядом Гордона, Флеминг сказал:

– Пять лет. Сразу, как закончил академию, поступил на тяжёлый крейсер Неуязвимый. Особых лавр не снискал. Пришёл на флот в чине младшего лейтенанта, закончил службу старшим...

Морган потёр переносицу над очками, в его голосе прозвучало явное сожаление:

– Стало резко ухудшаться зрение и меня списали на берег. Ну а потом я решил, что раз больше не смогу находиться на корабле, то и нет тогда смысла отсиживаться до пенсии по штабам. Я ушёл и устроился в Имperiал-Ярд. Возможно, моя карьера морского офицера и пошла бы в гору, но мои глаза подвели меня.

– Инспектор полицейского управления тоже звучит, – негромко засмеялся Джентри. – Ты стал хорошим фараоном, Морган. И верным надёжным помощником. Настоящим другом. Порою незаменимым.

– Прекрати, у меня и так слёзы из глаз льются, – закашлялся Флеминг. Он подтянул пояс халата и двумя глотками прикончил бренди. Тут же потянулся за добавкой. Почему-то Крейгу показалось, что лысеющий очкарик частенько прикладывается к бутылке. Пил он вполне профессиональ-

но.

Джентри подставил свой стакан завладевшему бренди коллеге. Крейг продемонстрировал, что его ещё не опустел и отрицательно покачал головой. Вжавшись в спинку мягкого кресла, он с любопытством осматривался. Из полумрака гостиной выступали вещи, на которые он поначалу не обратил должного внимания. Помимо кортика и фуражки, о военном прошлом хозяина гостиной ненавязчиво напоминали деревянный, искусно выполненный макет трёхмачтового брига, гордо несущего свои паруса на одной из прибитых к стене полочек, военно-морской флаг, повешенный прямо поверх ковра на стене слева от камина, да незамеченная до последнего момента стоящая на каминной полке фотокарточка в массивной рамке. Крейг прищурил спрятанный за пенсе глаз... На карточке был изображён никто иной, как сам Морган Флеминг. В парадном военном кителе, фуражке, подтянутый, без очков, с двумя медалями на груди. Награды? Сейчас простуженный, облачённый в домашний халат, близорукий и весьма помятый инспектор полиции мало напоминал запечатлённого на фотокарточке бравого морского офицера.

– Смотрю, у вас есть награды, – Крейг кивнул на фото. – Позвольте спросить, как вы их заслужили? Вы участвовали в Андерской кампании? По годам вроде бы подходите.

– А вы хорошо знаете историю, – сказал Флеминг. На секунду он запнулся. Потом продолжил: – Наш крейсер был

приписан к Восьмой ударной армаде. Мы были одним из кораблей, прикрывающих флагман Левиафан... Поверьте, корабль на котором я служил, очень большой. Это тяжёлый крейсер третьего поколения. Но мы, а вместе с нами ещё пять кораблей, выглядели довольно жалко рядом с Левиафаном. Он полностью оправдывал своё имя.

– Класс «Разрушитель», если не ошибаюсь?

– Да, вы правы, – Флеминг одобрительно посмотрел на учёного. – Он самый.

– Вот уж не думал, что вы так подкованы в области военно-морского дела, – не скрывая удивления, усмехнулся Джентри. – Вы на редкость разносторонний человек, Крейг.

– Я полон скрытых талантов, – многозначительно произнёс учёный. – Неужели вы побывали в котле Морского Дьявола, мистер Флеминг?

Морган сделал неопределённый жест рукой, потёр небритый подбородок, глядя перед собой, сказал:

– Мы столкнулись с морским корпусом корсианцев. Если помните, захватившая власть в стране хунта тогда была твёрдо намерена расширить свои морские границы за счёт наших вод. Я не слишком люблю вспоминать, что тогда произошло. Мы потеряли четыре из шести тяжёлых крейсеров прикрытия и несколько линкоров. Клянусь всеми святыми, если бы у корсианцев был хоть один корабль уровня Левиафана, мы бы проиграли ту кампанию. А медали... Не я один их получил. Но не скрою, что каждый человек на любом из

наших судов, от рядового матроса до адмирала полностью заслужил все медали и ордена.

– Выпьем, джентльмены. За тех, кого уже нет и за тех, кто пока в строю, – без тени иронии провозгласил Джейсон, наливая в опустевшие стаканы остатки бренди. – За настоящих мужчин!

От такого тоста Крейг был просто не вправе оказаться. Он благодарно кивнул, принимая стакан. В зыбкой тишине гостинной прозвучал стеклянный звон столкнувшихся стаканов. Морган сделал глоток и снова помассировал переносицу. Снял очки и потёр кулаком глаза. Крейг решил, что одно из двух – либо их радушный хозяин хочет спать и скоро намекнёт, что пора бы и прощаться, либо у него усиливается мигрень и исход будет тот же – указаниена дверь. В принципе, хорошего помаленьку. Пора бы и честь знать. Он негромко кашлянул, привлекая внимание Джентри, и выразительно вскинул брови. Старший инспектор отрицательно качнул головой. Учёный недоумевающе скривился. Что за игры затеял Джейсон? Раз ему так уж не хочется ехать на пожарище, то и ладно. Они бы могли спокойно вернуться домой. Завтра им предстоит другое, не менее важное дело. И тоже не из самых лёгких. Необходимо срочно выручать Джека. Подумав об этом, Гордон ощутил, как у него болезненно заныло в животе. Им будет очень непросто всё провернуть. Мерсифэйт – это логово, кишашее прикидывающимися невинными овцами хищниками. А доктор Аткинс – самое страшное чудо-

вище из всех.

– Парни, не подумайте, что я вас выгоняю, но у меня и впрямь не всё в порядке со здоровьем, – извиняюще сказал Флеминг, подвигая опустевшие стаканы к такой же бутылке. Его язык слегка заплетался. У Крейга самого в голове изрядно шумело, и он понимающе закивал. – Рад был вас видеть. И всегда буду рад. Заходите в любое время... Но если я посижу тут ещё несколько минут, то точно свалюсь. Пожалуй, хватит на сегодня с меня бренди.

Крейг встал с кресла и одёрнул пальто. Повертел головой. Куда, чёрт возьми, он задевал шляпу? Его взгляд наткнулся на Джентри, который продолжал сидеть в кресле, закинув ногу на ногу и, похоже, никуда не собирался. Учёный виновато посмотрел на убирающего бутылку со стаканами покашливающего Флеминга. Да что за дьявольщина? Какая оса ужалила старшего инспектора? Гордон чуть слышно произнёс:

– Джентри, мой друг, вам не кажется, что мистер Бёрк нас уже давно заждался?

Джейсон повернул к нему лицо и Крейг торопливо прикусил язык. Тёмно-серые глаза старшего инспектора были абсолютно трезвыми, а челюсти плотно сжатыми, так, что играли желваки.

– Мы немного задержимся здесь, мистер Крейг, – не терпящим возражений командным голосом сказал Джейсон. И Крейг понял, что иногда его подчинённым приходится

несладко. Джентри умел придать вес своим словам и не разводить лишних церемоний. – Мы ещё обсудим с Морганом кое-какие дела. И только потом уйдём.

– Вы шепчетесь как старые заговорщики, – попробовал пошутить вернувшийся Флеминг. Но его лицо исказила болезненная судорога, и он сторбился, торопливо откашливаясь в платочек. Крейг почувствовал себя последним негодяем, в немой ярости зыркнув на невозмутимого Джентри.

– Не иначе, как ты ждёшь в гости какую-нибудь симпатичную вдовушку, чтобы уложила тебя в постель и напоила горячим молоком, – поддержал шутливый тон Моргана Джейсон. – А, старый ты кобелина?

– Ну, всякое бывает, – натянуто улыбнулся Флеминг.

Крейг чувствовал себя редкостным мерзавцем. Ему хотелось одного – как можно быстрее уйти отсюда. Уют уютом, но когда тебя ненавязчиво просят на выход, ситуация заставляет по-другому смотреть на положение вещей.

Джентри всё же соизволил к величайшему облегчению Крейга подняться на ноги. Учёный давно привык к постоянным разъездам. Он везде чувствовал себя как дома. Но сейчас, в данный момент, он сильно затосковал именно по своему настоящему дому. Тому, который остался в Марбурге. И как никогда ему захотелось туда вернуться. К своей лаборатории, к своим изобретениям. К своей привычной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.